

ГЕНОМ
Дли
шер
ВАРВАРЫ-КРАСЫ
ИЛИ ПИКМАЛИОН

Эли Эшер Геном Варвары- Красы, или Пикмалион

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45101755
ISBN 9785005047489*

Аннотация

Искусственный интеллект удрал из лаборатории, а пара благонамеренных, но несколько наивных студентов ему в этом помогает. Сможет ли всемирно знаменитый профессор, заведующий той самой лабораторией, найти беглецов? И смогут ли они вчетвером уйти от преследующих их безжалостных ассасинов? Это вы узнаете, прочитав сказ о том, как мышка стала кошкой, а душа университета влюбилась в профессора.

Содержание

Пролог. Пик	5
Глава 1 Беглянка	10
Глава 2 Петя	24
Глава 3 Побег	41
Глава 4 Тайна	62
Глава 5. Мышеловка	82
Глава 6. Я – кошка?	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Геном Варвары- Красы, или Пикмалион

Эли Эшер

Редактор Ксения Зуден

Дизайнер обложки Евгения (9Lion6) Лаврова

© Эли Эшер, 2019

© Евгения (9Lion6) Лаврова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-4748-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Пик

«Без этих троих мне никогда бы не стать настоящим человеком.»

Из дневника, найденного на чердаке.

Рослый, атлетически сложенный мужчина лет тридцати пяти в белом докторском халате задумчиво подошел к двери в небольшую больничную палату. Он поправил узкие очки в дорогой оправе, провел рукой по коротко остриженным темным волосам и открыл дверь. В полутьме палаты можно было увидеть одинокую койку с женским силуэтом на ней.

Но как только его тень упала внутрь, девушка с ужасом взвизгнула, скинула простыню, оставшись совершенно голой, а затем вскочила на ноги и мощным толчком бросила себя в идущий под низким потолком канал промышленной вентиляции. Через пятнадцать секунд лишь вмятины на жести канала и пыль в воздухе напоминали о её недавнем присутствии. Доктор проводил взглядом удаляющийся грохот.

– Песец, – сказал он сам себе, усевшись на одинокий пластиковый стул между койкой и непонятным устройством, все еще мигающим разноцветными огоньками.

Сознание возвращалось не сразу, медленно, будто по капле. В полусне Пик бежал с бешено колотящимся сердцем по лабиринту запутанных коридоров и комнат с поворотами, тупиками, лестницами. На него падает тень. «Кошка!» – кричит подсознание, и, перебирая всеми четырьмя лапками, Пик мчится прочь по коридору. Поворот. Еще поворот. Коридор разветвляется в две стороны. На стене закорючки, их много у дылд. Внезапно Пик знает, что закорючки говорят повернуть направо. Он не очень понимает, что такое «направо», но лапки послушно несут его в нужную сторону. И вот прямо перед ним кусочек сыра. Пик хватает его и, забившись в темный безопасный уголок, начинает мелко-мелко грызть, наслаждаясь острым запахом и вкусом.

СЫР! Сознание опять прошибает, как током, оно ускоряется, и сон наконец-то уступает реальности. Странной реальности. Кажется, сидишь в старом мятом мешке от муки. Сыто, пыльно и ничего вокруг. Пик лежал в нелепой позе на спине и не мог шевельнуться. Ужас сковывал все его существо: он потерял хвост, вибриссы, почти всю шерстку, а нос, который раньше был длинным и подвижным, теперь сократился и почти не чувствовал запахов. Пик втянул воздух ноздрями, хоть они слушались! Притупленное, как сквозь старую пыльную тряпку, обоняние принесло еле ощутимые тона дылд – кислого металла и противной жгучей жидкости, которыми всегда так сильно воняло в лабиринте с сыром. Но сыром не пахло! Вообще ничего вкусного!

Щелчок, и Пик почувствовал, что может шевелить лапками и головой. Он напряженно принюхался, прислушался, присмотрелся к окружающему его миру. Это было одно из огромных помещений дылд. И он лежал ровно посередине, там, где в норме прошмыгиваешь побыстрее, если уж никак иначе, и надеешься, что кошки тебя не заметят или смотрят в другую сторону. То, на чем он лежал... «Кровать», – подсказало подсознание. «На них спят дылды», всплыло в подсознании. Но он-то что тут делает??

Внимание переключилось на пищащий куб с бегающими огоньками. Над огоньками шла серия черных закорючек, складывавшихся в текст:

«Человекоподобный андроид Джери, геном Ри-Смо-ВК-13,

АИ на базе лабораторной мыши Джери А1531.»

Пик не знал этих слов и не понимал, как они получились из закорючек, но в человеческих терминах ему на это было, в общем-то, наплевать. А вот «Джери» ему было знакомо и очень приятно. Так говорили дылды, когда брали его на руки, поглаживали по шерстке и давали ему кусочек сыра.

Прикрытое простыней обнаженное тело клона Варва-

ры-Красы было приковано к больничной койке приборами мониторинга жизнедеятельности на руках-ногах и охватывающим голову обручем меморайтера, работа которого и делала необходимым мониторинг жизнедеятельности. Отсутствие одежды было вызвано вполне прагматическими причинами – так нянечкам и медсестрам было проще ухаживать за живым, но бессознательным телом «спящей красавицы», как прозвал клона обслуживающий персонал. По той же причине и волосы ее были аккуратно заплетены в длинную, тугую светло-русую косу. Волосы ведь росли. Периодически брить голову наголо было слишком хлопотно, а прическа типа каре тут же пошла бы безнадежными колтунами.

Надо сказать, что насчет Варвары-Красы это была не шутка, хотя зачем исследователям приспичило использовать геном из древнего захоронения, найденного на Русской равнине, для большинства в институте оставалось тайной. Но уж что вышло, то вышло. Да и не то чтобы кого это особенно интересовало.

Впрочем, тело с геномом было единственным, что было заимствовано у смоленской принцессы племени кривичей 758-го года рождения. Сознание лабораторной мыши Джери A1531 с добавленными дополнительными знаниями загружалось во вновь выращенный мозг осторожно и медленно, как будто по капле. И вот оно пробудилось...

Бдительная аппаратура еще несколько секунд следила за организмом подопечной и, убедившись, что процесс за-

вершен и все в порядке, отщелкнула обруч меморайтера с головы и браслеты мониторинга на руках и ногах. Завершая процесс, система издала последнее басовитое «биип!» и послала сообщение, которое по электронным нервам человеческой цивилизации отправилось к наблюдающему за процессом врачу. И не только к нему.

Глава 1 Беглянка

В небольшой индивидуальной палате на одного человека царил разгром, скрытый полумраком слабо освещенной комнаты. В центре стояла пустая больничная койка. Простыня была сброшена на пол и присыпана сверху мусором из вентиляции. У белоснежного медицинского прибора, все еще перемигивающегося лампочками, стоял человек лет тридцати пяти в белом халате. Чисто выбритое лицо с аккуратными усами выражало состояние шока, а зеленые глаза с расширенными зрачками за стеклами узких очков в хорошей оправе уставились в отверстие вентиляционной шахты, проходящей под низким потолком. Наконец, он чуть ожил и устало опустился на легкий стул, стоявший у кровати.

– Песец, – сказал он сам себе, – И не только проекту.

Он задумчиво посмотрел на пустую койку, словно надеясь увидеть там что-то другое, потом на вентиляционную шахту.

– Меня убьют, – грустно констатировал он. И, к сожалению, это была отнюдь не фигура речи.

Впрочем, тридцатипятилетний доктор наук и профессор Карен Ахмедович Мамедов был не из тех людей, кто безвольно опускает руки, когда судьбе придет в голову подшутить над ним. Лицо его напряглось, и он со злостью выдал тираду, которая показала его мастерское владение русским языком, той его частью, которую вряд ли смог бы выучить ино-

странец, читающий классическую художественную литературу. Подумав немного о ситуации в целом, что явно не улучшило его настроения, он добавил на английском свое мнение о своеобразных отношениях проекта, результата проекта, заказчиков и, увы, самого себя. На очень простом и кратком английском. Скорее даже, американском. Но запас эмоций на этом не иссяк. Других подходящих языков Карен не знал, не на французском же это делать, поэтому последнюю тираду пришлось перевести вновь на Великий и Могучий. На мгновение он подумал, что все-таки надо было как следует выучить немецкий.

– Scheiße! – закончил он, и только тогда его немного отпустило.

Спустив эмоции, он поднялся со стула, вынул из кармана телефон и сказал:

– Вахта.

Телефон задумался, а потом из него раздался чуть скрипучий официальный голос:

– Вахта биологического факультета университета. Кошкин у телефона.

– Вахта? Петр Сергеевич? Это Карен Ахмедович, – откликнулся Карен, – Петр Сергеевич, помогите, пожалуйста! У нас тут небольшое ЧП. Если наружу будет рваться полуголая девица, придержите ее, хорошо? Нет, в полицию звонить не надо, я постараюсь найти и прислать санитаров. Она из психиатрии. Не отпускайте, пожалуйста, если появится.

А то стыд-то какой факультету... Да-да, спасибо. Скоро будут.

Дав отбой, он кратко бросил: «Варшавский» и после отклика сказал:

– Григорий Иосифович! Извините, что беспокою, но у нас ЧП. Нельзя ли вас оторвать ненадолго для разговора *tête-à-tête*? Спасибо большое, Григорий Иосифович! Уже бегу.

И уже вызывая санитаров, он вышел из палаты, аккуратно заперев на ключ дверь.

За пять минут до этого.

Раздался шорох. Нет, не шорох, скрип. Скрип двери. В стене открылся проем, и свет хлынул в комнату. Пик замер. Свет – это страшно, при свете значительно труднее прятаться. Свет закрыла большая тень.

«КОШКА!» – взорвалось в сознании, и, откинув тряпку, под которой он лежал, Пик прыгнул и юркнул в подвешенный под низким потолком канал промышленной вентиляции.

Внутри было тесно, но для сознания серой домово́й мышью теснота значила безопасность. Перебирая лапками под грохот жести, Пик бросился прочь от страшного места, повернул направо, налево, провалился по вертикальной шахте на пару метров вниз, рванул дальше, свернул опять и под

треск ломающейся пластиковой вентиляционной решетки рухнул вниз...

За десять минут до этого.

Умный телефон истошно запищал в кармане и, трясясь от нетерпения, стал проситься наружу. Карен легко шлепнул пальцем по назойливой машинке указательным пальцем с коротко остриженным ногтем, и беспроводная связь выдала ему сообщение на стекло очков, спроецировав его поверх реального вида на коридор учебного корпуса факультета. Так, подопытный субъект из 15-ой палаты загружен и пришел в себя. Надо проверить.

Поморщившись, молодой профессор развернулся и пошел по коридору. Чтобы попасть из учебной части здания в лабораторную к 15-ой палате, нужно было одолеть длинный, причудливо изгибающийся коридор и подняться на один этаж. Карен машинально кивнул головой на приветствие Натальи Курицыной, студентки-третьекурсницы, делавшей у него курсовую работу. Толковая девочка, отметил про себя он; если и дальше будет думать об учебе, а не о мальчиках, надо будет взять в аспирантуру. Может выйти толк. Хотя вряд ли. Большинство выходят замуж и больше о науке не вспоминают.

Может, потому тридцатипятилетний красавец-доктор так

и не женился, хотя и был окружен прекрасным полом по самое нехочу. Особенно учитывая, что, кроме биофака, он читал лекции еще и в медицинском институте. Очень уж не хотелось найти умную подругу, разделяющую смысл его жизни, и оказаться причиной тому, как живой пытливый ум тонет в пеленках и теряет интерес к тому, что их сближало. В случае с этой девочкой будет особенно жаль. Талантливая, умная, волевая. Тем более, деньги на аспирантов у лаборатории есть.

Последняя мысль вернула его к подопытному субъекту из палаты номер 15. Собственно, «подопытным» субъект был только на бумаге. На самом деле, это был просто живой товар. Это людьми торговать нельзя, а искусственно выращенное тело без человеческой памяти и сознания, с точки зрения закона, мало чем отличалось от животного или запасного органа. И даже с загруженным искусственным интеллектом представляло собой всего лишь андроида. Просто биологическую машину, что-то вроде робота-пылесоса, не имеющего никаких гражданских прав и представляющего из себя законный предмет купли-продажи. Вот если такой андроид вдруг выработал бы человеческую личность... Такие прецеденты уже бывали, и закон в этом случае, бывало, вставал на сторону обретшей душу машины. Но это уже проблемы заказчика.

Впрочем, этому экспонату обрести душу не грозило. Ведь чтобы стать человеком, мало иметь человеческое те-

ло и мозг, нужно сталкиваться с реальной жизнью, с другими людьми, преодолевать препятствия в социальной среде. А для чего может понадобиться тело красивой девицы, пусть даже и жившей больше тысячи лет назад? Да еще и с сознанием мыши, чтобы легче было дрессировать?

Карен наверняка не знал, заказчик в детали не вдавался, но не нужно быть семи пядей во лбу, чтоб догадаться. Какой-нибудь элитный бордель, может, со стриптизом, может, даже правительственный. Ведь обычному борделю куда дешевле обходятся вполне натуральные девицы. Зачем траться, выращивать, если их и так полно? А вот похвастаться русской принцессой из Средних веков...

Да, пожалуй, и правда правительственный. И не думайте, что правительственные бордели бывают только в России. Заказ пришел через Польшу, и, некоторым образом знакомый с черным рынком, Карен потрохами чуял, что происходит он из Туманного Альбиона. Впрочем, какая разница, откуда? Ждет это тело девицы с сознанием мыши долгий цикл работа-дом-работа-дом. От такого и нормальный человек роботом станет, откуда тут личность возьмется? Тем более, что это работа сексбота, и комнатуха, более похожая на тюремную камеру, служащую только для того, чтобы поесть и поспать. Впрочем, может, и не бордель. Уж очень странные детали выяснились после получения заказа.

Но заплатили за заказ щедро. Вся лаборатория сможет год на это жить. А насчет ореола секретности и конфиден-

циальности, окружавшего проект, тут, конечно, были нюансы. Приди такой заказ через Киев, Карен Ахмедович за него в жизнь бы не взялся. Если заказчик так изолируется, то не исключено, что исполнителей потом в расход пустят. Вместе с посредниками. Или посредники, чтобы исполнителям не платить. Слышал он про пару таких случаев. А через пшеков было как-то поспокойнее. Нет, они тоже братья-славяне, так что всего можно ожидать, но все-таки они, в первую очередь, просто торгаши, которые не полезут в криминал без большой нужды. Да и было почти очевидно, что хвосты тянутся в Англию, а раз сильно не прячутся, можно не бояться чрезмерных мер. Тем более, что, как уже упоминалось, ничего криминального в соответствии с российским или польским законодательством и не происходило.

Впрочем, насчет «сознания мыши» – это было не совсем правдой. Да, исходно сознание было снято с лабораторной мыши. К слову, без особого вреда для оной. Это только в дешевых романах содержимое мозга считывают, предварительно достав его из черепной коробки. Не катит такое, мертвый мозг мгновенно теряет записанную на нем информацию. Так что считывание шло вживую, а мышка вроде бы все еще продолжала наслаждаться бесплатной едой в лаборатории.

Дальше сознание загонялось в компьютер и моделировалось. Тестирование шло в VR – виртуальной реальности. Сознание на кремнии думало, что оно по-прежнему бежит по лабиринту, а на самом деле ему на вход просто подавалась

VR. И по поведению создавалась мемокарта этого сознания.

А что же такое мемокарта? А это карта групп узлов-нейронов, отвечающих за конкретные, равно как и абстрактные понятия. В стиле – ага, вот эта группа нейронов отвечает за образ человека, а эта – за поворот в лабиринте, а эта... ух, ты, как новогодняя ёлка вспыхнуло... за сыр. А вот чувства: вкусно, холодно, страшно, очень страшно... На что только у нее «страшно» не замкнуто, даже на мигающие огоньки... Эй, а от «очень страшно» в двигательный центр идет команда «замереть». А попробуем чуть перекоммутировать. А то, если сексбот на подиуме от света прожекторов замрет на месте, вряд ли это заказчику понравится. Пусть лучше двигается от страха. Во хохма будет, если она у них с подиума сбежит... А не фиг заказывать в российском институте этически сомнительные работы!

Постепенно меняя параметры виртуалки, приучаем мышку контролировать человеческое тело. А потом добавляем словарь. Это тоже такая мемокарта, и не одна, просто относим ее на другой, хорошо известно, какой, участок мозга. Вот только просто положить ее ничего не дает, надо еще связать словесные понятия из нее с участками у мышки, ответственными за те же понятия. Не все, остальное потихоньку само свяжется, если надо, но хотя бы несколько сотен надо. Работа кропотливая, трудная, легко ошибиться. Но если все сделано правильно, получаем робота-андроида, который не только имеет цельную, пусть даже и мышиную, модель

поведения, но и способен говорить, понимать речь, читать.

И вот уже эту мемокарту и загружают аккуратно в выращенный мозг. Изначально все достаточно примитивно, но постепенно разнородные мемокарты срастутся, начнут работать вместе. И вот сейчас как раз этот момент, когда загрузилось, но еще не до конца срослось.

Карен открыл дверь в палату, его тень упала на подопытную, и следующее, что он мог вспомнить, была скинутая на пол простыня, пустая койка и падающий на пол мусор из вентиляции...

Семидесятилетний декан биологического факультета Григорий Иосифович Варшавский выглядел как Санта Клаус или Дед Мороз с его поседевшей бородой, усами и глубокой, влезшей на самую макушку залысиной. Но поведением он сейчас скорее напоминал такого очень делового Деда Мороза. Варшавский вздохнул, попросил секретаршу перенести пару встреч на завтра и включил чайник. Карик – хороший мальчик, умный, зря паниковать не будет. Если он говорит «ЧП», значит, действительно ЧП. Хорошо, послушаем, что у него стряслось.

Григорий Иосифович был живой легендой университета. Родившийся еще в таинственном, окутанном тайнами и мифами Советском Союзе, он закончил школу в ревушие 90-е,

а получил диплом университета и защитил кандидатскую аж при Путине. Несмотря на это, семейные традиции пересилили реальность, и профессор действительно положил жизнь на служение науке. Это выразалось как в активной научной работе, так и в прагматичном руководстве, позволявшем теперь держать факультет на плаву, несмотря на все выверты, исходящие из Министерства образования.

Одной из сторон этой прагматичности была помощь кафедрам и лабораториям в получении хозрасчетных работ. Так что, когда знакомые из Варшавы поинтересовались, не сможет ли знаменитый профессор Мамедов выполнить заказ, да еще и за хорошие деньги, он, не колеблясь, связал Карена с заказчиками.

И вот ЧП. Ну, что там у него могло вообще приключиться? Основная работа, создание искусственного интеллекта, он же искин, или АИ, под требования заказчика давно сделана. Собственно, этим Карик и знаменит. АИ, а вовсе не андройды, в которые их загружают. Осталась рутина – вырастить тело по присланному заказчиком геному и загрузить в него уже созданную АИ. Да, иногда искин не ложится на мозг и требуется доработка на живом мозге. Но это тоже не бог весть какая задача. Что у него такого могло приключиться?

Долго профессору мучаться любопытством не пришлось. Прошло всего несколько минут, и Карен Ахмедович был у него в кабинете...

– Она сбежала! – выдохнул Карен, едва войдя к учителю.

– Как это? – не понял Григорий Иосифович.

– Так. Подпрыгнула и удрала по вентиляции.

– Так надо поймать и вернуть, – машинально ответил декан. Вообще-то у него самого свербил червячок насчет этичности подобных заказов. Но... *non olet*, деньги не пахнут, как говорил один древнеримский оратор, а законов никаких такие заказы не нарушали.

– Вахту предупредил, санитаров послал, – подтвердил Карен, – А вот удастся ли, это вопрос.

– Ну уж, не переживайте так. Где она может спрятаться, на факультете?

– Не забывайте, профессор, я ее делал на основе мышки. Она сейчас найдет местечко потише и потемнее и там затихарится. А если спугнут, удерет и спрячется в другом темном месте. Как по-вашему, сколько можно искать испуганную мышку в комплексе наших зданий?

– Если до вечера не найдут, надо сообщить заказчику, – задумчиво изрек декан, осознав проблему и оценив количество мест на факультете, где и правда можно было спрятаться.

– А вот этого нам категорически не стоит делать, – возразил Карен.

– Это почему же? Они оплатили проект, их право – быть в курсе.

– Профессор, они просто посредники. Если что пойдет

серьезно не так, им проще убить нас обоих и списать все на случай. «Ну, подумаешь, исполнителей кто-то там убил, вот проект и сорвался. Мы ничего не знаем!»

– Ну-ну, Карен, я знаю Пржемека уже не один год. Неужто вы думаете, он пойдет на криминал?

– Вам напомнить, сколько они нам заплатили? А о конфиденциальности проекта? Или, может, напомнить о том, о чем они умолчали?

– Карен, а это-то тут при чем?

– При том, профессор. Прислали геном неизвестно откуда. Очень заметно отличающийся от обычного человеческого. Потом по моим каналам и с помощью племянницы мы узнаем, что этот геном вообще-то должен быть доступен совершенно свободно. Правда, почему-то недоступен. И зачем такая секретность, а? Вы и правда думаете, что сбежавшая мышка исчезнет без следа и не заставит компетентных людей задавать вопросы? И куда эти компетентные люди выйдут после этого? А настоящим заказчикам шумиха в газетах или внимание властей точно не нужно. Не зря же они все эти обязательства по конфиденциальности в контракт вставили, да еще и неформально намекнули – не можете язык за зубами держать, лучше не беритесь! Пржемак должен понимать, что эту зацепку надо обрубить или обрубят его. А он может, вы знаете.

– Ну-ну, голубчик, думаю, вы преувеличиваете. Но что вы предлагаете взамен?

– Основная работа уже сделана, Григорий Иосифович. Вырастить новое тело... ну, займет время. Но денег с последней выплаты хватит. Сказать, что неожиданные задержки с... что-нибудь придумаем... с «раствором для ускорения развития»! Вырастить новое тело, загрузить еще одну копию и отдать заказчику. А за мышкой следить, чтоб не всплыла где не надо и не навела шума. Черт с ними, с расходами, зато целее будем.

– Ну-ну, вы думаете?

– Да, профессор.

– Хорошо, Карен, давайте попытаемся найти беглянку. Если не выйдет, сделаем по вашему плану. Хотя я по-прежнему думаю, Пржемеку надо обо всем рассказать.

– Спасибо, Григорий Иосифович. Я тогда займусь поисками и, на всякий случай, подготовкой лаборатории для выращивания еще одного тела, хорошо?

– Хорошо, голубчик, очень хорошо. Давайте. И не переживайте так, ради Бога, уверяю вас, это все пустяки. В жизни и не такое случается.

Декан по-отечески приобнял Карена за плечи. В конце концов, он и правда относился к своему лучшему ученику и талантливому молодому доктору наук почти как к родному сыну. Тем более, что сыновей у него не было, а дочка уже давно вышла замуж и лишь звонила по выходным из Америки. Карен улыбнулся в ответ и покинул кабинет.

Григорий Иосифович покачал головой и пробормотал

под нос:

– Эх, дети, дети...

А потом сел к открытому на рабочем столе ноутбуку, открыл программу интернет-телефонии и ткнул в иконку... Длинные гудки закончились, и из динамика ноутбука раздались:

– Джень добри, пан Варшавский!

– Джень добри, Пржебек! Да-да, Варшавский. Вы не волнуйтесь ради Бога, все под контролем и будет хорошо, но порядка ради хочу дать вам знать о небольшой задержке с нашим проектом...

Глава 2 Петя

Натка решительно открыла дверь и зашла внутрь. В аудитории был Петя Соболев. Тот самый хороший мальчик с конспектами и своими бутербродами. А рядом, на парте, прижавшись к этому самому «хорошему мальчику», сидела совершенно голая девица и жрала его бутерброд. Огромные ярко-синие глаза недружелюбно уставились на Натку с выражением, понятным без слов любой женщине.

С испуганным писком: «Ой, пардон!» Натка, с бешено бьющимся сердцем, как ошпаренная, выскочила наружу. С криком: «Натка, погоди!» Петя бросился за ней.

А начиналось все более чем обыденно. Студент третьего курса отделения ботаники биофака университета Петя Соболев с сомнением потыкал пальцем уже начавший слезиться кусок сыра на бутерброде. Бутербродов, которые сделала мать, было четыре. Изначально они были сложены попарно друг к другу сыром и заботливо завернуты в бумажную, теперь насквозь пропахшую сыром и маслом бумажную салфетку. Сыра мать не пожалела, нарезав его толстенными кусками. Впрочем, булки и масла она тоже не пожалела. Нет, некоторые деньги в семье двух математиков и программи-

стов были, но после нецелевого расходования фондов деньги на ланч были заменены на вот такие взятые из дома бутерброды.

Вы можете удивиться, а что дитё математиков делало на отделении ботаники? И это и правда не так легко объяснить. Старшие классы Петя провел с двумя закадычными друзьями. Чем именно они занимались, сказать трудно, но самой интеллектуальной шуткой трех мушкетеров было ткнуть приятеля локтем и сказать: «Гы-ы-ы!» После окончания школы один из друзей, сын успешного менеджера западной компании, огрел условный – папа отмазал – срок за пьяное вождение, а другой попытался заняться лицензированным выращиванием медицинской марихуаны, за что получил от полиции серьезный втык с предупреждением. Но, к счастью родителей, троица развалилась и на Петю больше особо не влияла.

Сам же Петя, окончив школу, оказался перед выбором, куда пойти. Первым делом он озадачил родителей заявлением, что он хочет петь. Да-да, петь. Как Элвис Пресли, Челентано и Бритни Спирс. Родители отнеслись к такому желанию позитивно и даже пообещали помочь финансами на покупку инструментов и оборудования, чтобы петь после учебы по вечерам, но продолжили выяснять, чему же он собирается учиться? В смысле специальности, которая позволит ему зарабатывать на самостоятельное существование?

Столкнувшись с гнусным непониманием его загадочной

и нежной души, Петя задумался. Итак, мечта провести пять лет, обучаясь пению, увя, отпала, поскольку финансировать степень бакалавра, а тем более магистра в пении родители наотрез отказались. Трудно сказать, повлияли ли на Петю увлечения его друзей или просто это была такая форма отомстить взрослым, но Петя выбрал биологию. И не просто биологию, а ботанику с генной инженерией. В качестве официальной мечты была заявлена благородная цель вырастить марихуану без привыкания, которая спасет многих людей от наркомании. Готовы ли вы поверить Пете, решать вам, тем более, что активное вещество марихуаны – ТНС – оно и в Африке ТНС. Неважно, выращено оно или синтезировано еще как, но оно действует так, как оно действует, и никакая генная инженерия тут не поможет, разве что на человеческом геноме. Тем не менее, родители, поморщившись, признали, что биология с генной инженерией – очень перспективная наука, а дитё, перебесившись, все-таки получит на руки хорошую специальность.

Первый год Петя жил в общежитии и получал на руки деньги на еду и расходы. Пуру, сосед по комнате в общежитии, прибыл в сумрачный, дождливый, обдуваемый со всех четырех сторон света град из солнечной Индии и компенсировал тоску по родине и солнцу, куря то, что Петя еще не успел модифицировать. Вдыхая вторичные ароматы того, что совсем не случайно было названо индика, Петя проникся верой, что все в жизни – ерунда, и чуть не вылетел из уни-

верситета.

Встревоженные результатом родители ввели репрессивный режим, выразившийся в отмене общежития и карманных денег. Теперь он жил с родителями и ездил в универ каждый день на общественном транспорте. Чем им так не угодило общежитие, Петя так и не понял. В конце концов, Пуру, пойманный полицией с поличным, был с треском выперт из универа, так что оказывать тлетворного влияния на Петю он все равно уже не мог. Но родителей это уже не волновало. А карманные деньги были заменены на проездной и вот эти самые бутерброды, которые мать делала ему каждое утро.

«Все-таки это белок,» – подумал Петя, – «Белок, который очень полезен для накачивания мышц!»

На втором курсе, освободившись от ароматного дыма растения, которое привело его на биофак, Петя понял, что ему нравятся девочки. Ну, не то чтобы ему действительно нравились эти заумные безмозглые задаваки, но любому понимающему гормональный фон парня-второкурсника должны быть очевидны сжигавшие Петю желания. К сожалению, девушки каким-то шестым женским чувством распознавали ботаника, причем не только по специальности, и ответными желаниями к Пете не пылали.

Первой реакцией Пети было обвинить во всем родителей, лишивших его карманных денег. Те, в свою очередь, ответили, что пусть Петя быстрее оканчивает университет и полу-

чает зарплату, которую будет волен тратить как хочет. А если уж совсем невтерпеж, может найти подработку, намекнув, что оба так в его возрасте и делали, что не помешало им обоим закончить университет практически на одни пятерки. Петя попытался объяснить, что это плохо скажется на учебе, напомнив им, что четверок у родителей тоже было немало... в общем, разговор не получился.

Ускорить время, чтобы закончить университет раньше, Петя не мог, что, может, было и к лучшему. А как найти подработку, он просто не знал. Точнее, сам-то он думал, что он знает. Вот он, такой замечательный, решает подработать. Следующим шагом он в каком-то офисе, хорошо одетый и в галстук, объясняет важному начальнику, какой он хороший, и тот кивает головой и соглашается. Возможный дополнительный шаг – Петя стоит в героической позе, может, даже с какой-нибудь лопатой или распечаткой Программы, а все вокруг им восхищаются. Последний этап – Пете дают много денег. Точка. Увы, схема почему-то не работала. Если уж быть совсем точным, то подработку Петя все-таки нашел – на кафедре, санитаром в лабораториях. Однако получаемые за это деньги, увы, даже близко не приближались к тому, о чем мечталось, не говоря уж о героических позах и лопатах. Так что явно пришло время изменить концепцию.

Следующей единственно правильной теорией было накачать мышцы, как у Арнольда Шварценеггера, чтобы восхищенные сокурсницы сами падали к его ногам и складыва-

лись штабелями. Родители хмыкнули и оплатили абонемент в спортзал, после чего Петя и правда занялся тренировками и достиг если не фигуры экс-губернатора Калифорнии, то вполне приличных результатов в смысле внешности. Но, увы, не в плане популярности у противоположного пола.

И вот теперь, во время обеденной перемены в парах, он сидел в пустой аудитории с развернутыми бутербродами с сыром и думал о жизни. Нет, к учебе он теперь относился не в пример лучше и учился почти исключительно на пятерки. Бросать спортзал он тоже не собирался. Но омерзительная реальность начала пробиваться в его сознание. Похоже, несмотря на приличную внешность, хорошую мускулатуру и умение одеваться, ему так и не удалось стать девичьей мечтой. Что приводило его к мысли подумать о новой стратегии.

Петя вздохнул и попытался сформулировать, как же он будет добиваться успеха у прекрасного пола. Очевидно, надо начать с более простых целей. Похоже, то, что ему сейчас нужно, это скромная заумная серая мышка в белом лабораторном халатике, синих чулках, неуклюжей обуви, очках на пол-лица и с волосами, завязанными пучком на затылке. Другая пока что просто не даст. А вот с такой шансы есть. Да что там шансы? Она ему просто в руки упадет! Сама! Уже раздевшись и голая. Во!

Вздохнув, Петя протянул руку к бутерброду на столе. В этот момент раздался треск, сверху посыпались обломки пластиковой решетки вентиляции, и прямо на руки ему сва-

лилась девица с внешностью модели Плейбоя, из номера, посвященного древней России. Этакая Василиса Прекрасная, только без кокошника, сарафана, равно как и прочей одежды. Ошарашенный Петя успел подставить вторую руку и – хвала тренировкам в спортзале – смог удержать неожиданную находку на руках, не дав ей грохнуться на пол. Что тут же приподняло его самооценку, поскольку телосложение красавицы, при всей своей умопомрачительной привлекательности, все же навевало мысли о скачущих конях и горящих избах. Медленно, будто в замедленной съемке, толстая русая коса сделала почти круг и с глухим «фамп!» стукнулась о крышку парты.

Как ни странно, незнакомка не сделала ни малейшей попытки спрыгнуть с Петиних рук. Тонкие ноздри классического носа на правильном, чистом лице чуть раздвинулись, принюхиваясь, огромные ярко-синие глаза уставились на Петю, и испуг в них сменился каким-то новым, ранее не виданным им у женщин выражением. Кажется, это была заинтересованность.

Неожиданно Пик оказался на руках у дылды. Какого-то очень маленького дылды, но это было неважно. Важно, что на руках у дылд безопасно. Даже кошки не смели тронуть Пика, когда дылды держали его на руках, а только терлись

об их ноги. А еще дылды, держа его на руках, часто давали ему кусочек сыра. Сыр! Ноздри сами собой втянули воздух и учуяли знакомый запах. СЫР!!! Пик повернул нос к дылде. А когда меня будут кормить?

Ссадив незнакомку на парту, Петя ошарашенно уставился на нее, не зная, что дальше делать. Недаром говорят, что мужчина делает, а решает, что делать, женщина. Так случилось и на этот раз. Незнакомка прижалась поближе, уставилась на него просящими синими глазами и совсем неожиданно для своей комплекции пискнула тоненьким просящим голоском:

– Сыр?

– Чо? – не понял Петя.

– Сыр! – повторила незнакомка, пошевелив ноздрями и не то прикрыв груди руками, не то прижав руки к груди. Во всяком случае, жест выражал скорее просьбу, чем стыдливость.

Петя исполнительно взял с парты бутерброд с салфеткой и протянул его незнакомке. Та тут же схватила его обеими руками и начала жадно обгрызать его по краям крохотными микроскопическими кусочками, явно наслаждаясь каждым из них. Крошки хлеба падали на уже неприкрытую ничем грудь, а все ее внимание было сосредоточено на про-

цессе еды. Словом, девушка получила желаемое, и ничего больше ее не интересовало. Оставленный без направляющего женского руководства, Петя опять впал в ступор, не зная, что делать. Наконец он решился спросить ее:

– Ты кто?

Незнакомка на момент отвлеклась, казалось, даже задумалась, но сыр пересилил, и она опять принялась за бутерброд.

– Как тебя зовут? – сделал вторую попытку Петя.

Синие глаза уставились на него, в глубине отразилась какая-то титаническая работа мысли, и наконец она выдала:

– Джери!

И снова принялась за сыр.

Дылда усадил Пика на стол. Ничего необычного в этом не было, дылды всегда отпускали Пика, и часто именно на стол. Но на руках было безопаснее, поэтому он прижался к дылде, сложил лапки на груди – так чаще доставался сыр – и пропищал неизвестно откуда взявшееся слово:

– Сыр?

Дылда издал какой-то звук, и Пик понял, что нужно повторить.

– Сыр!

И тут дылда действительно дал Пику кусок сыра. Да еще какой! Реальность растворилась для него, сжавшись до аро-

матного, восхитительного, вкуснейшего кусочка сыра в лапках, который он тут же принялся грызть.

– Ты кто? – спросил дылда.

Вопрос застал Пика врасплох. Он даже перестал грызть сыр на минутку. Будучи мышью, Пик никогда не задавался вопросом, кто он или что он. Он просто был, какой есть. Собственно, он и теперь не задавался подобными вопросами. Некоторым читателям может показаться странным, что Пик не заметил, как стал человеком. Но дело как раз в том, что он никогда не осознавал себя и мышью. А что мир изменился, так он всегда меняется. Ладно, дылды постоянно издают странные звуки, решил Пик и вернулся к сыру.

– Как тебя зовут? – настаивал дылда.

«Зовут»... это когда «говорят» о тебе, как когда дают сыр, понял откуда-то Пик. А когда дают сыр, обычно зовут...

– Джери! – пискнул он. И тут же понял, что Джери – женское имя, потому что он – на самом деле «она», самочка. То есть «женщина». «Девушка». Откуда взялись все эти странные слова, он... или, точнее, она не знала. Взялись, и ладно. Понятно же, чего еще надо? Короче, у нее могут быть детеныши. Это хорошо, решила уже Джери, а не Пик. Так альфа-самцы не будут драться. И будут делать ей детенышей. На мгновение она скосила глаза на дылду. Интересно, а дылды могут быть альфа-самцами? Этот вон какой. И сыр у него...

Известно, что мужской мозг больше женского, по крайней мере, в среднем. Зато у женского выше плотность нейронов. Более высокая плотность означает, что нейроны ближе друг к другу, а чем меньше расстояние, тем быстрее идет сигнал. Поэтому женский мозг быстрее. Это как современный микропроцессор рядом с занимающим полкузова грузовика боевым компьютером для расчета траектории ракет из советских времен 80-х годов прошлого века. Современный микрочип сделает ту же работу в тысячи раз быстрее и даже нагреться не успеет, зато у того память на ферритовых колечках, так что если втемяшится ему какая программа и он начнет её выполнять, то только балки обваливающегося потолка смогут остановить процесс. Разница между женским и мужским мозгом, конечно, не столь радикальна, но если за неимением управляющего сигнала из женского в мужской втемяшится какая мысль, то остановить её тоже будет очень непросто.

Короче, посмотрев пару минут на обгрызающую бутерброд Джери, Петя пришел к выводу, что надо понять, что случилось, и расспросить незнакомку. Может, сама скажет, что надо делать. И немедленно приступил к реализации этого плана.

– Что с тобой случилось? Как ты попала в вентиляцию? Ты что, от кого-то сбежала? Тебе нужна помощь? Джери, ты

меня слышишь?

На слово «Джери» та на мгновение оторвалась от сыра и поглядела на Петю.

– Слышу, – наконец сказала она и вернулась к бутерброду.

«Может, она иностранка?» – подумал Петя. А что, понимает явно через слово и вообще голая. Говорят, у них это принято, особенно где-нибудь в Германии или Голландии. Нудизм называется. А насчет вентиляции, может, у них это вид спорта такой, навроде паркура. А до нас просто мода не дошла, а так, лет через пять-десять, мы тоже голыми будем по вентиляции бегать.

«Надо попробовать на других языках!» – решил Петя. Но тут возникло небольшое препятствие. Видите ли, в школе Петя учил немецкий, а в институте английский. Как следствие этого, на данный момент он мог похвастаться тем, что не знает двух языков. «Впрочем, с моя твоя не понимай справимся,» – решил он, – «Так что проверим хотя бы, знает ли она другие языки.»

– *Wie heißt du?* – спросил он вроде бы на немецком. Джери даже не повернула головы.

– *Who are you? What's your name?* – повторил он попытку на английском, практически истощив свою лексику на двух языках.

– Джери, – пискнула та и вернулась к сыру.

«Ага!» – понял Петя, – «Точно, англичанка! Теперь бы найти кого-то способного говорить по-английски.»

Разумеется, Петя не мог знать, что техническое задание на искусственный интеллект включало два словаря – русский и английский. И оба сейчас еще только укладывались в свежевыращенном мозгу. Так что даже виртуозное владение английским не улучшило бы общения с Джери ни на йоту. Но, в любом случае, было уже поздно. Мысля попала в мужской мозг.

Студентка третьего курса Наталья Курицына, для друзей просто Натка, вежливо поприветствовала Карена Ахмедовича, профессора факультета, международное светило и своего научного руководителя, с которым она столкнулась нос к носу в коридоре.

– Здравствуйте, Наташа, – сказала светило и прошло мимо по своим делам.

Натка вздохнула. Прошел, как мимо пустого места. Мало ли у него студенток? А уж когда в медицинском занятия ведет. А там не университет, там красивых много. Хотя что-то в глазах у него было такое, теплое. Или мерещится? Наверняка мерещится. Нет, действительно, ей кажется или он выделяет ее среди других студентов... и... студенток, чуть зардевшись, додумала мысль Наталья.

Нет, не может быть. Он... и она, такая невзрачная, серенькая. Одна фамилия чего стоит – Курицына. Ужас. Натка от-

лично знала, как ее за глаза называют некоторые сокурсники. Мать, конечно, утешала: «Тебе эту фамилию только до замужества носить, а я за нее замуж выходила!» Вот и думала бы, когда выходила! Да с такой фамилией и прозвищем Натку вообще замуж не возьмут. Да и с ее внешностью. Она такая невзрачная, и ростом не вышла, а уж эти очки... Читать Натка любила с раннего детства, но заработанное в результате ухудшение зрения и особенно необходимые теперь очки приводили ее в отчаяние. Где уж ей заинтересовать самоуверенного красавца, мечту половину девиц факультета... Половину, потому что вторая половина даже мечтать о нем не смела. Через десять минут Натка обнаружила, что все еще стоит на месте встречи, глупо улыбаясь.

Нет, не подумайте, ничего ТАКОГО у Натки и в мыслях не было. Тем более, что, будучи невинной девушкой, к идее секса она относилась без малейшего понимания. Как парни ухитряются ни о чем, кроме ЭТОГО, не думать? Маньяки. Сама она воспринимала сокурсников скорее как друзей, так, поболтать, одолжить конспект пропущенной лекции. Вон Петя Соболев. Хороший мальчик, отличник. Постоянно носом в книжку и жует свои бутерброды. Конспекты у него всегда в порядке, хорошо переписывать, и, если что непонятно, всегда готов объяснить. Вот для этого сокурсники и нужны.

Однажды она согласилась сходить на свидание с однокурсником. Взяв кофе с пирожными, они уселись за столик,

и он начал долго и занудно объяснять, какой он накачанный. И как правильно качать мышцы, чтобы быть таким накачанным. Потом какой он красивый и как правильно причесываться. Когда речь зашла о том, какой длинный у него этот, ну, тот самый, которого у Натки не было, свидание пришлось срочно завершать. Нет, спасибо, чего-то не хочется. Пусть другие убеждаются своими глазами, она и на слово верит. И вообще, курсовую еще делать, а уже шесть вечера! В общем... дела, извини, дела.

И вообще, что такого особо хорошего в этом? Ну, в том, что парни все хотят. Однажды она ради эксперимента решила десять минут поковырять пальцем в носу... А что, тоже слизистая! Натку передернуло от воспоминания. Бр-р-р... ужас! Нет, она понимала, что рано или поздно это станет частью ее жизни. Вот когда она встретит ЕГО... Натка представила белое платье, гостей, кольца. Он такой умный, красивый, сильный, заботливый. И уверенный в себе. И вот после застолья он обнимает ее, целует, и ее губ касаются, щека, его усы, аккуратно подстриженные, как у Карена Ахмедовича...

«Все, хватит!» – оборвала она себя мысленно, – «Я сюда не за глупостями пришла, учиться надо!»

Тем более, Карен Ахмедович сказал проштудировать статью по мерцающим нейронным сетям, которую она только что получила в библиотеке и теперь держала в руках. А перерыв не бесконечный, так что сейчас надо найти пустую ауди-

торию и сесть почитать, пока есть время.

Свернув за поворот, Натка оказалась в коридоре с большими окнами наружу с одной стороны и небольшими, используемыми в основном для практических занятий аудиториями – с другой. Ближайшая, по крайней мере, через стеклянную дверь, выглядела пустой, так что Натка решительно открыла дверь и зашла внутрь.

В первый момент она даже не поняла, что же видит. Потом до нее стало доходить. В аудитории был Петя Соболев. Тот самый «хороший мальчик» с конспектами и своими бутербродами. А рядом, на парте, прижавшись к этому самому хорошему мальчику, сидела совершенно голая девица и жрала его бутерброд. Огромные ярко-синие глаза недружелюбно уставились на Натку с выражением, понятным без слов любой женщине.

С испуганным писком: «Ой, пardon!» Натка, с бешено бьющимся сердцем, как ошпаренная, выскочила наружу.

В аудиторию вошла еще одна дылда.

«Женщина,» – уже привычно подсказало Пику-Джери подсознание, вытащив слово из закровов свежезаписанной памяти, – «Девушка».

«Соперница,» – сделало вывод мышинное сознание. Джери прижалась потеснее к своему альфе и подняла на незнакомку

взгляд, стараясь выразить предельно ясно: «Это МОЙ альфа! И мой сыр! Уходи! Ищи себе другого!» Дылда взвизгнула и выскочила из комнаты, явно признавая статус Джери как главной самочки этого альфы. Довольная Джери вернулась к отвоеванному бутерброду.

В следующий момент ее дылда завопил: «Натка, погоди!» и бросился за незнакомкой. Джери с интересом проводила его взглядом, а потом спокойно вернулась к сыру. А что? Статус подтвержден, сыр в лапках. «Альфа!» – с некоторой гордостью подумала Джери, – «Сейчас догонит и будет делать ей детенышей.»

Глава 3 Побег

– Натка, погоди! – завопил Петя и бросился за сокурсницей. Вот она – знающая английский язык! Выскочив в коридор, он бросился к остолбеневшей девушке, которая застыла, пытаясь осознать только что произошедшее.

– Погоди, Натка, твоя помощь нужна! Я совсем не знаю, что делать. А ты английским хорошо владеешь.

Если и до этого она была, мягко говоря, ошарашена, то теперь вообще пришла в состояние столбняка. Английский-то тут при чем?

– Представляешь, сижу в аудитории, только собрался бутерброд есть, тут из вентиляции вываливается эта. Ну, ты видела. Она англичанка-нудистка, каким-то дурацким спортом занимается – голой по вентиляции бегать, по-русски плохо понимает. А ты английским владеешь, можешь расспросить ее. Пошли! – Петя решительно потянул Натку в аудиторию.

Нельзя сказать, чтобы Натка поверила в этот бред, тем более, что Петя и правда практически все это выдумал, просто каким-то непонятным образом ухитрился успеть убедить себя в этом. Однако, то, что женщины решают, что будут делать мужчины, имеет и обратную сторону. Решать женщины категорически ничего не любят. Они предпочитают, чтобы мужчины сами все решали. Если решение задевает женщину, то хороший мужчина и сам решит так, как ей нравится.

А если не задевает, то какая разница? Ну, пусть будет англичанка-нудистка. Да хоть масонка-инопланетянка! Лишь бы не занимал ценное время быстрого женского мозга всякой ерундой! И пусть мужик будет сам потом во всем виноват! Тем более, что, по сути, так оно и есть!

Короче, поддавшись Петиному напору, тем более, что из всего сказанного Петей только повелительное: «Пошли!» не звучало полным бредом, а потому на фоне выглядело убедительно, Натка вернулась в аудиторию. Девушка внутри бросила на нее быстрый, уже не столь недружелюбный, а скорее любопытный взгляд и снова занялась бутербродом. Бутерброд, к слову сказать, уже почти кончился, и девушка начала закусывать бумажной салфеткой, пропитанной сырным запахом. Петя попытался отобрать у нее салфетку.

– Сыр! – пискнула девушка и посмотрела на него таким обиженным взглядом, что Натка поневоле почувствовала женскую солидарность.

– Ты ей другой бутерброд дай, – сказал она, все-таки принимая решение, которое было немедленно исполнено.

Петя вручил девушке новый бутерброд, и та, вцепившись в него, вновь начала обгрызать его по краям. Салфетку, впрочем, она все равно не отдала.

– Ну, вот что тут будешь делать, – вздохнул Петя, – Нат, ну я же ни бум-бум в английском! Спроси ее хоть, от кого она так бежала? Её Джери зовут. Ей что, что-то грозило?

И тут оказалось, что девушка отлично понимает русский.

– Кошки! – пискнула она, отвлекшись на мгновение от бутерброда.

– Кошки? – удивилась Натка, – Какие еще кошки? Бред какой-то! Она убегала от кошек?

– Кошки! – согласилась девица.

– Кошкин! – вмешался Петя, – Не «кошки», «Кошкин»! Она удирала от Кошкина! Вахтера нашего, сама знаешь, удивительная сволочь! Джери, ты удирала от Кошкина?

Девица задумалась, а потом решительно выдала:

– От кошкина!

– Натка, надо ей помочь! – горячо затараторил Петя, – Он же не понимает, что это спорт такой, он же вахтер! Увидел голую девицу и бросился ловить. Её как-то надо из института вывести, не привлекая внимания. А то ведь страшно подумать, что Кошкин с ней сделает!

– Съест! – с испугом в глазах подтвердила девица, оторвавшись на мгновение от бутерброда.

– Во! Слышала? – вдохновился поддержкой Петя, – Съест и не подавится, да еще в милицию сдаст. Сама знаешь, как он умеет доставать! А тут еще случай такой. А может, и хуже что. Ты представляешь, Пуру мне говорил, что Кошкин после работы девиц бандитам поставляет, в рабство, проститутками работать. Я не верил, а вот оно как! Оказывается, он правду говорил!

В общем, «Остапа понесло.» Пуру после косяка-другого и правда много чего говорил. А учитывая, что немолодой

вахтер Петр Сергеевич Кошкин был немезидой всех опаздывающих или забывающих пропуск студентов, не говоря уже о пытающихся проникнуть в храм науки в нетрезвом виде или каком еще состоянии измененного сознания, то хорошее про него Пуру говорил очень редко. И продажа студенток в сексуальное рабство было еще не самым ярким его рассказом.

Самым оригинальным на памяти Пети было утверждение, что Кошкин – это на самом деле один из тайно правящих планетой инопланетян. И цель его в универе – подрывать обучение новых кадров, чтобы страны БРИК, лишенные образованных специалистов, никогда не вышли на уровень развития западных стран. В тот день Пуру чуть не попался вахтеру и теперь, добавив к индийскому ароматному дыму русской водки, чуть не плакал на Петинем плече. Оказывается, злобные галактические оверлорды столетиями губили индийскую науку и образование, поощряя коррупцию, липовые дипломы, бездарные публикации и карьеру неумных, но хитрых профессоров. В результате индийские дипломы воспринимаются в мире как шутка, а лучший индийский университет с трудом держится в самом конце второй сотни университетов в мире. Вот потому-то он, Пуру, и приехал в Россию учиться, но и тут они его достали!

Когда история вмешательства пришельцев углубилась в ретроспективе до вторжения на полуостров ариев, разрушивших имевшуюся там сто тысяч лет назад высокотехно-

логичную цивилизацию, Пуру заснул, но история запомнилась. В инопланетное происхождение вахтера Петя, разумеется, не поверил. Однако, учитывая, что он и сам не раз опаздывал, забывал пропуск или пытался пройти на факультет в не очень кондиционном состоянии, относился он ко всем байкам Пуру с большим пониманием, и вот надо же – теперь одна из них вспомнилась.

– Надо позвать кого-то из преподавателей, – выдала Натка, но, увы, мысля уже засела в Петинном сознании.

– Ты что? Они ж наверняка в доле! Отдадут ее бандитам, а то еще и нам достанется. С ними слишком много знать – опасно! Прибьют, и никто не узнает, где могила! Надо ее отсюда вывести как-то. Тихонько. Причем не мимо вахтера.

– В таком виде? – не нашла ничего лучшего ответить Натка. Станным образом, умом она отлично понимала всю бредовость Петинного утверждения. Но где-то на эмоциональном уровне ее захватила идея помочь бедной иностранке, пытающейся сбежать из полового рабства у вахтера Кошкина и его вездесущей мафии.

Вахтера, надо признать, она тоже очень не любила, поскольку имела тенденцию забывать пропуск в другом кошельке или на столе. Да и надо признать, умел вахтер изобразить этакого вратаря на страже государственных границ и секретов, так что каждому попавшемуся ему под руку хотелось на луну выть. Набить морду вахтеру тоже многим хотелось, но пока что еще никто не решился. Студенты, го-

сти и даже младшие сотрудники и преподаватели ненавидели его всем сердцем. Как тот ухитрился выжить при всеобщей нелюбви – неясно. Тем не менее, ему это вполне удавалось, и он уже много лет был незыблемой и очень характерной чертой факультета, почти как бронзовый памятник Менделееву во дворе, которому каждую сессию начищали нос на удачу, а под Новый год подвыпившие студенты вставляли в руку пустую бутылку из-под изобретенной им водки. Впрочем, оставлять ценный напиток каменному гостю пока что ни у кого рука не поднялась.

В общем, каким-то непонятным ей самой образом Натка из режима ведомой переключилась в режим локомотива всей этой бредовой активности и стала раздавать команды.

– У меня физкультурная форма на кафедре лежит! Надо забрать и одеть ее. А дальше – как-то выводить!

– Я знаю, как, – сказал Петя, которому способы избежать дотошного вахтера были знакомы не понаслышке. Особенно в ходе его приключений на первом курсе, – У выхода с курилкой забор низкий, там с обеих сторон ящики стоят. Перелезть – раз плюнуть.

– Тогда я – за формой, – заявила Натка, – Нет, стой...

Она поглядела на голую девушку, потом на Петю.

– Нет, давай лучше ты за моей формой сбегашь, а я тут с ней подежурю. Все-таки она голая, а ты парень. Найдешь? Это на кафедре, возле стола Карена Ахмедовича, он мне позволяет там оставлять портфель, форму. Сможешь?

– А то! – ответил Петя, получив подробные указания и спеша их исполнить, – Я щас, мигом! Вон еще два бутерброда, если надо будет. Да и сама не стесняйся, если хочешь.

Натка хмыкнула насчет бутерброда, представив себя в голом виде на парте, грызущую кусок сыра... Но все же решительные действия Пети, равно как и столь же решительное принятие к исполнению её, Наткиного, плана заставили её взглянуть чуть иначе на сокурсника. Вон не просто принял указания, они у него просто прямо в ноги провалились, минуя мозг. Еще дверь шатается, как быстро улетел. Как ни странно, спрашивать, а имелся ли у того мозг, чтобы его пропустить по дороге в ноги, не хотелось. Не о таком умном мальчике. Появилось какое-то приятное теплое чувство... Нет-нет, никаких бабочек в животе, вы, это, что, суду-рели? Тем не менее, каким-то невероятным способом Петя ухитрился за последние пятнадцать минут заработать одобрение аж двух женских сердец...

На минуту накатило что-то непонятное... Может, это был здравый смысл? Боже, во что же она вляпалась??? Впрочем... Натка взглянула на занятую сыром незнакомку.

– Так тебя зовут Джери? – спросила она.

– Джери, – пискнула та в ответ.

– А меня Наташа.

– Та-ша, – повторила по слогам Джери на английский манер, потеряв первый слог. Она уже догрызла бутерброд и опять примерилась к пропитанной сырным жиром салфет-

ке.

Вздыхнув, Натка вручила ей следующий бутерброд. Схватив тот в руки, Джери взглянула на девушку с чем-то вроде благодарности во взгляде и вернулась к обгрызанию сыра.

Самочку альфа поймал и привел обратно, но детенышей делать почему-то не стал. Дылды издавали звуки, кажется, это называется «говорить», но увлеченная сыром Джери не очень слушала. Сыр, правда, уже закончился, но мягкая белая штука в лапках пахла тоже хорошо. И тут альфа попытался отнять ее у Джери.

– Сыр! – пискнула она, обиженно и жалобно поглядев на альфу.

– Ты ей другой бутерброд дай, – сказала самочка, и, о чудо, альфа и правда вручил ей еще один кусок сыра. Бросив благодарный взгляд на самочку, Джери вновь принялась за еду. Вдруг ее внимание привлекло знакомое имя:

– ...от кого она бежала? Её Джери зовут. Ей что, что-то грозило?

Слова сложились во что-то осмысленное, она вспомнила упавшую на нее тень, испуг, заставивший ее убежать, и ответила:

– Кошки!

– Она убегала от кошек? – спросила самочка.

– Кошки! – подтвердила Джери.

В ответ альфа выдал нечто длинное, непонятное и включающее что-то вроде «кошкина». В словаре фамилии вахтера, разумеется, не было, но было прилагательное. Мемы в мозгу некоторое время активно взаимодействовали, и Джери поняла, что убежала она и правда не от кошки, а от кошковой тени!

– Кошкина, – подтвердила она.

– ... А то ведь страшно подумать, что Кошкин с ней делает!

Что с ней сделает кошка, Джери отлично представляла. Правда, раньше у нее не было слова для обозначения этого действия, но в загруженном словаре оно было и, как ни странно, тут же нашлось.

– Съест! – с готовностью подтвердила она.

Дылды еще о чем-то пошумели, и альфа куда-то убежал.

– Так тебя зовут Джери? – спросила самочка.

– Джери, – согласилась она.

– А меня Наташа.

– Та-ша, – повторила Джери. Встроенные алгоритмы распознавания речи для начала переводили звуки в текст, а потому повторение “-ня на-” было воспринято другим слишком умным алгоритмом как опечатка, и первый слог «Наташи» был удален.

Сыр опять кончился, на этот раз кусочек был не таким большим. Впрочем, еще есть эта белая, мягкая и хорошо

пахнувшая. Самочка вздохнула и дала Джери еще один кусок. Надо же, какая она! У нее даже есть свой сыр! И Джери очень захотелось стать совсем-совсем такой же. Как эта. Та-ша!

Раздав указания, Карен Ахмедович вернулся на кафедру и стал ждать. Вообще-то, как завлаб, он имел еще и личный кабинет, но кафедра была удобнее тем, что кабинет декана, по совместительству, завкафедрой, был тут же, рядом. Так что, если что, то Григорий Иосифович будет под рукой. А так, делать было, в общем-то, уже нечего. Пара санитаров дежурила вместе с вахтером, четверо других прочесывали территорию факультета. Еще один человек тем временем приводил палату номер 15 в порядок. Если найдут – тут же дадут знать. В общем, все были заняты делом, а ему самому не оставалось ничего другого, кроме как ждать. Усевшись за стол, Карен честно попытался почитать вполглаза заинтересовавшую его статью с предложением новой техники составления карт мозга, но в окружающем бардаке наука упиралась руками и ногами и, растопырившись изо всех сил, категорически отказывалась лезть в мозг.

Что, в общем-то, неудивительно. Шестое чувство с главным органом сзади чуть ниже поясницы просто вопило, что дела плохи, мышку они не найдут, а неприятностей огребут по самое нехочу. Причем, что мышку не найдут, Карен был

в принципе согласен. В запутанных коридорах и уголках факультета, наполненного – он чуть было не подумал «молодыми балбесами», но тут же поправился и мысленно продолжил чуть вежливее – студентами и аспирантами, найти человека практически невозможно. Разве что она прямо по коридору будет голышом бегать.

Хотя даже это вряд ли кого удивит, подумал он, вон в студенческом общежитии и не такое случалось. Два года назад там завели и несколько месяцев прятали от вахтеров и преподавателей самого настоящего генномодифицированного тигра. В черно-зеленую полоску, причем зеленые полосы призрачно флюоресцировали в темноте оттенками синего и голубого. И ничего. Попались молодые любители животных на том, что одной ночью психоделическая зверюга вылезла на общую кухню и укусила обкурившегося в хлам единственного на факультете индуса. Так сказать, две родственных души нашли друг друга. Тигра сдали в зоопарк, а индуса, пострадавшего от тигра в основном морально, пришлось с позором выпереть из университета. Не то чтобы преподаватели не были в курсе увлечений принятого на коммерческой основе студента из солнечной Индии, но после вызова полиции и составления протокола отвести в сторону глаза оказалось, увы, уже совершенно невозможно.

В дверь вошел Петя Соболев. В принципе, толковый мальчик, особенно с тех пор, как за ум взялся. Еще один кандидат в аспиранты, подумал про себя Карен, поднимая глаза

на студента.

– Карен Ахмедович, меня Курицына прислала, у нее тут где-то физкультурная форма лежит...

Ого! – подумал Карен, – *Sic transit gloria mundi...* А я-то надеялся, что она научной работой будет заниматься. С таким кавалером Курицыной и ребенка заводить не надо, вон один уже есть. С другой стороны, если обоих в аспирантуру взять, наоборот, может, друг друга в работе будут поддерживать. Будут, как Пьер и Мария Кюри... главное, чтобы не размножились до защиты диссертации.

– Вот тут, Петя, – дружелюбно сказал он вслух и указал на бесформенный мешок, лежащий под гостевым стулом рядом со столом.

– Спасибо, Карен Ахмедович! – откликнулся Петя, схватив мешок, – Ну так я пойду? Меня там Натка ждет.

– Иди, иди, Петя, не заставляй девушку ждать, – махнул рукой Карен, глядя, как тот исчезает за дверью.

Да-а... вернулся Карен к размышлениям о последних событиях. Он просто задницей чуял, что заказчики подобный инцидент так просто не оставят, не те люди, чтобы с ними шутки шутить. И кстати, даже если все пройдет нормально, надо будет все равно растить новое тело, так что в Лондон через две недели он наверняка не попадет. Надо бы племяшку предупредить. Вынув из кармана планшет и открыв почту, он начал тихонько, в миниатюрный микрофон, спрятанный в оправу очков, диктовать письмо:

«Здравствуй, дорогая Машенька,

Пишу тебе, что моя поездка к вам может сорваться. Помнишь тот проект, где ты помогла нам уточнить историю предоставленного нам генокода? Так вот, результат у нас сбежал в буквальном смысле этого слова. И если все будет хорошо, я буду занят исправлением этой глупейшей ситуации...»

Вновь открылась дверь:

– Карен Ахмедович, не зайдете ко мне в кабинет, хотелось бы узнать новости о нашей беглянке, – сказал декан.

– Да, конечно, Григорий Иосифович, иду, – ответил Карен, опуская планшет в карман и вставая со стула. Планшет протестуяще пискнул, но был проигнорирован.

В кабинете декана уже ждал горячий чайник, сахарница, коробка с чайным ассорти, блюдечко с лимоном и даже бутылка неплохого коньяка с рюмками.

– Присаживайтесь, Карен Ахмедович, в ногах правды нет... – сказал Варшавский, указывая на удобный диванчик перед столиком, – Не хотите по рюмочке? А то стресс этот ужасный... И мне, и вам однозначно для здоровья было бы неплохо.

– Не откажусь, Григорий Иосифович, – ответил Карен, садясь на давно знакомый диванчик и заблаговременно откладывая щипчиками на салфетку ломтик лимона с розетки и посыпая его сахарным песком при помощи маленькой серебряной ложечки из сахарницы.

Декан тем временем разливал коньяк по двум небольшим, с пару наперстков, округлым хрустальным стопочкам. И серебряная ложка в сахарнице, и хрустальные стопки были точь-в-точь как те, что стояли у мамы Карена в детстве в серванте. Одно время он даже удивлялся – они что, в одном магазине их купили, что ли? А потом махнул рукой. Очевидно, Григория Иосифовича воспитывали по тем же лекалам, что и Карена. Точнее, Карена по тем же лекалам... Ну, вы поняли. Карен еще не был умудренным возрастом старцем, но уже понимал, что ничего плохого в таком совпадении нет. Ну, понимают они друг друга с начальником с полубита... ну и что? Плохо, что ли? Наоборот, здорово! Многие ли могут таким похвастаться? Поэтому, вместо того чтобы задумываться, стал разливать чай по чашкам, положив в свою пакетик и предоставив декану выбрать свой чай самому.

– Ну-с, Карен Ахмедович, за успех, – поднял рюмку тот.

– Разумеется, – согласился Карен, отпив половину своей рюмки и закусив приготовленной долькой лимона, а затем взяв чашку с чаем.

Декан, усевшийся в кресло с другой стороны столика, тоже отпил из своей рюмки, закусил лимоном, а потом медленно вздохнул, будто смакуя янтарный напиток. Затем он задумчиво выбрал пакетик чая из ассорти на столе и, макнув его в чашку, стал заваривать. Карен тоже молчал, понимая, что шеф явно собирается с духом что-то сказать, но почему-то не решается.

– Карен Ахмедович, так как там с нашим поиском беглянки? – спросил наконец Варшавский, откинувшись в кресло с чашкой в руке.

– Пара санитаров сторожит на вахте, еще четыре прочесывают корпус, – ответил Карен, – Хотя не думаю, что будет результат.

– Почему же это? Все-таки искусственный интеллект – не человек, должен сильно выделяться в толпе.

Ну, разве что наличием хоть какого-то интеллекта, подумал Карен, но вслух сказал нечто другое:

– Григорий Иосифович, вы ведь уже не один десяток лет преподаете. Как думаете, наши студенты не выделяются в толпе? Причем практически поголовно?

– Да, голубчик, признаю, публика у нас, мягко говоря, пестрая...

– Вот и я о чем, Григорий Иосифович. У нас Шахерезада под ручку с графом Калиостро в толпе потеряются. Так что я не очень надеюсь. Но искать, конечно, будем. Совсем не дело, чтобы она неожиданно всплыла. Скандал – последнее, что нам нужно.

– Ну, и что же Вы предлагаете делать?

– Как я и сказал, Григорий Иосифович. Вырастим новое тело, запишем его заново, а Пржемеку придумаем какую-нибудь причину задержки. Ну, и будем следить, чтобы беглянка не вылезла где с шумом в прессе. Если будет время, то не торопясь найти сможем. Тем более, предоставленная сама себе

и среди людей она, скорее всего, быстро отрастит себе личность, пусть даже и примитивную, как у ребенка, а тогда, уж сами понимаете, все равно заказчику ничего не светило бы. Так что найдем и как-нибудь по-тихому пристроим в жизни. Что еще остается?

– Ну, что ж, Карен Ахмедович, хорошо, хорошо, так и сделаем. Только с одной поправкой. Извините уж меня, старика, но как старший и более опытный, я на этом настаиваю. В общем, я уже оповестил Пржемека о наших проблемах.

Карен застыл с прямой спиной, переваривая новость. Пятая точка ожидала неприятностей неспроста. Он допил оставшееся в рюмке, но коньяк испарился из организма в мгновение ока, как будто его и не было. Как? Зачем???

И тут до него дошло. Декан, которого он, конечно же, уважал и с которым его очень, ну, **ОЧЕНЬ** многое связывало, просто вызвал огонь на себя. Теперь если заказчики решат зачистить исполнителей, то первым будет не он, а Варшавский. Нет, эгоистично он должен был бы порадоваться, но... Карен вообще был из тех, что «а захочет отомстить – придет сюда, а там посмотрим, кто из нас двоих отсюда выйдет.»

– Григорий Иосифович, – сказал он наконец после паузы, – Вы что, вызываете огонь на себя? Зачем? Поверьте, я не дитё малое. А даже после этого, если до крайностей дойдет, меня тоже не пожалеют.

Чуть более пяти тысяч лет назад...

Волнение охватило священную столицу Черной-Земли Красивое Место Мен-нефер. От Белой Стены Инебу-хедж и до самой Реки бурлили толпы в ожидании великого праздника. Ибо сегодня воплощение Гора, правитель Большого Дома, Избранный Гора Хор-Сетеп¹ покинет народ, чтобы уйти в царство мертвых, и, воссоединившись там со своим отцом Озирисом, будет судить покидающих мир живых и решать их судьбу в вечности.

И это хорошо. Ведь нынешнее воплощение Озириса в царстве мёртвых – отец Хор-Сетепа – ушел туда уже давно и просто не знает многих. А теперь их будет судить тот, кто правил ими, и каждый, кто служил верно воплощению Гора, за гранью получит снисхождение за грех, другой, третий... Он был хорошим правителем живым и будет хорошим, милостивым судьей их душам. А с народом останется его сын, Душа Гора Ка-Хор, который отныне будет воплощением Гора, заботящимся о народе.

Да и что делать в праздный день, когда нельзя работать? Казалось бы, неплохо бы починить старую лодку или слепить пару кувшинов, но кто ж захочет обидеть самого Озириса, который будет взвешивать твое сердце после смерти и решать твою судьбу? Впрочем, и без того, кто будет работать,

¹ Не ищите имен этих фараонов – при всей достоверности бытовых деталей, вы их не найдете.

когда народу выставлено много хека – сладкого густого пива? Только избранные смогут присутствовать на церемонии в Хут-ка-Птах, Храме Души Птаха, где Ка-Хор действительно примет душу Гора и станет его воплощением. А народ на празднике будет молиться возлиянием хека из плохо обожженных глиняных чаш. Спасибо богу Озирису, который научил людей варить этот поистину божественный напиток!

Ка-Хор будет хорошим правителем. Молодой, сильный, удачливый охотник, женатый на своей сестре, которую недаром зовут Прекрасная Как Бастет Бастнефер. Только сестра, потомок богов и первых фараонов, сможет родить правителю наследника, способного принять душу и стать воплощением Гора. А как без этого? Ведь не оставив после себя Гора, правитель никогда не сможет стать Озирисом. Ведь не может же олицетворение Гора умирать от болезней и ран, как простой смертный? Это ж такие беды народу сулит, что и подумать страшно. А ведь только богорожденная может родить наследника, которому по силам принять такое наследие. Можно только представить, какой любовью и заботой окружит Ка-Хор поэтому свою жену, показывая должный пример людям.

После того, что случится сегодня, впитаю мудрость отца, Ка-Хор продолжит заботиться о народе, как делал всю жизнь и он. А Хор-Сетеп... о чем грустить? Он сам выбрал время. И ведь он ни в чем не будет знать отказа в Земле Мертвых. Не о том ли мечтает каждый? Недаром столько круп-

ных чиновников завтра уже не будет на своих местах. Счастливики! Не каждому выпадет везение отправиться в царство мертвых с самим Озирисом в качестве его верного слуги и попутчика.

А двое студентов тем временем сумели переодеть Джери в Наткину физкультурную форму. Если кроссовки еще проблемы не вызывали, то надеть на нее футболку и особенно штаны было непростой задачей. Но целеустремленный человек, а тем более, два целеустремленных студента, уверенных, что делают благое дело, способны решить и не такие задачи. Сильно помогло, конечно, и то, что сама Джери вела себя более чем кооперативно, пусть и не понимая, что от нее требуется, но соглашаясь и выполняя простые задачи вроде протянуть руку или слезть с парты.

А вот идти за ними Джери не захотела. Нет, на Петю и особенно на Натку она смотрела преданным собачьим взглядом, но выходить в освещенный коридор категорически отказывалась. Тем более, что сыр кончился. К счастью, у Натки в кармане завалился пакетик с жареным арахисом. Подчиняясь своей женской интуиции, она перешла в разговоре с Джери на общение, как с маленьким ребенком или домашним животным. Вытащив орешек, Натка поманила её наружу. Та принялась, неуверенно переминаясь с ноги на ногу.

– Орешек! – пискнула она.

– Да, да, орешек, на! Орешек, – ответила Натка.

Джери наконец решилась и выскочила наружу.

– Орешек, – еще раз пискнула она и, схватив вожака объект, стала мелко-мелко обгрызать его по сторонам. Петя с Наткой приперли выключившуюся из реальности девушку справа и слева и, перемежая движение выдачей нового орешка, вывели ее на задний двор. Тоже, впрочем, не без приключений. Если Петин рюкзачок сидел на плечах плотно и никому не мешал, то Наткина «луи виттон» настоящего китайского производства, купленная за целых семьдесят долларов, постоянно сваливалась с плеча, привлекая Джери арахисовыми ароматами.

Во дворе их ожидало новое препятствие – забор. Это был первый случай, когда Петя был вынужден хватать женщину в таких местах, о которых он раньше мог только мечтать. Причем приятность мечты была явно преувеличена. А размеры и вес преуменьшены, подумал он, подпирая под попу стоящую на ящике Джери, пока та принюхивалась к орешку, который с другой стороны протягивала Натка. В следующий момент Джери одним олимпийским прыжком преодолела стену, а ящик по Третьему закону Ньютона полетел под ноги Пете, больно ударив по коленке. Что думала по этому поводу Натка, не будем даже упоминать. Тем не менее, что сделано, то сделано. И вскоре все трое стояли снаружи, вне охраняемой территории, в безлюдном переулке. У выхода

из переулка прозвенел трамвай, проезжавший мимо в свободных просторах огромного города. Миссия была выполнена.

И тут Натка, которая вполне естественно считала себя самым разумным участником всего этого безобразия, задала вполне логичный вопрос:

– Ну, хорошо, мы выбрались. Что теперь?

Глава 4 Тайна

В кабинете декана биологического факультета повисла тишина.

– Григорий Иосифович, – сказал наконец Карен после паузы, – Вы что, вызываете огонь на себя? Зачем? Поверьте, я не дитё малое. А даже после этого, если до крайностей дойдет, меня тоже не пожалеют.

– Не переживайте, Карен Ахмедович, – мягко ответил Варшавский, закончив свою рюмку и взяв второй ломтик лимона, – Пржемяк – бизнесмен, он все правильно понимает. Даже вас задеть было бы очень немало шума, Вы все-таки хорошо известный ученый, и не только в России. А меня и по-прежнему. А именно шума они и стараются избежать. Так что не волнуйтесь, Карен Ахмедович. Уверяю вас, в прошлом ради того, чтобы сначала кафедра, а потом факультет выжили, я и не с такими общался. Поверьте опыту старого человека. Все будет нормально.

– Но если все же что пойдет не так?

– А если что не так пойдет, я еще и наших доблестных стражей госинтересов оповещу. Вы же знаете, у меня хорошие отношения с Владимиром Афанасьевичем. А они очень не любят, когда лезут на их территорию. Конечно, придется делиться, но уж не такое дело, чтоб экономить. Давайте лучше еще по рюмочке... Уверяю вас, очень полезно, особенно

сейчас. Стресс снять, сосуды расширить.

Карен машинально разлил еще по рюмке. Декан редко выходил из роли профессора Преображенского из «Собачьего сердца», но уж когда делал это, как сейчас, говорил очень четко и по делу. Вообще-то декан – должность не такая уж большая, не букашка, уважение вызывает, но к большому чиновнику дверь ногой не откроешь. А вот Варшавский открывал. Были у него знакомства, кроме уже упомянутого Владимира Афанасьевича.

– Вероятно, вы правы, Григорий Иосифович. Вы меня и правда хорошо прикрыли, я вам должен. Но почему?

– Конечно, я прав, – согласился тот, – А что вы мне должны и почему... Видите ли, Карен Ахметович, я уже немолод, небольшой риск меня не сильно волнует. А вот что будет после меня и, главное, кто будет после меня, очень даже волнует. Ну, за успех нашего предприятия, и чтобы ваши страхи не оправдались!

Они подняли рюмки, и на этот раз Карен не стал отпивать по чуть-чуть, а сразу опустошил свою. Декан был прав, стресс надо было снимать и двигаться вперед. Что сделано, то сделано.

Две рюмки была норма Карена, когда плюсы спиртного уже есть, а минусов еще нет и не будет. Неизбалованный алкоголем организм уже ощутил приятное тепло и расслабленность.

– А вот скажите, Карен Ахмедович, чем же вам наш инци-

дент показался столь рискованным, если не секрет? – спросил декан, – Я, как вы знаете, в цели заказчика не лез, особенно учитывая, что тот ими явно не хотел делиться, но, мне кажется, они достаточно прозрачны, вы не думаете? И не вижу я в них ничего опасного, голубчик.

– Вы знаете, Григорий Иосифович, уж слишком уж много непонятого в этом проекте. Во-первых, ничего незаконного мы не делаем, откуда тогда вся эта секретность? Ну, выполняем мы заказ, сами даже не знаем, для кого. Что мы вообще можем разболтать такого? Да, признаю, заказ на искин интересный, прямо скажем, прорыв. Но на эту тему как раз никакой секретности нет, заказчик позволил статьи публиковать. Тогда что?

– Так, может быть, геном, который они нам передали? – предположил Варшавский, – В перспективе хотят запатентовать, но ведь когда посылают заявку на патент, приходится и всю новую последовательность раскрыть, и белки новые описать, а этого они пока что еще не хотят. Вот и хранят коммерческую тайну.

– Ну, человеческий геном не очень-то запатентуешь, – возразил Карен, – Но когда я его посмотрел, то тоже решил что-то подобное. У людей, сами знаете, геном очень одинаковый, а тут целый букет очень необычных генов. Понять, что они делают, сами знаете, практически невозможно, но полно белков, имеющих отношение к памяти. Причем ни много ни мало, к записи в память. Интересно, правда?

– Возможно, голубчик, возможно. И какие у вас идеи были по этому поводу? – декан явно вернулся в свой привычный стиль разговора.

– Была у меня идея, Григорий Иосифович. Причем беспокоящая идея. А уж не спящего ли агента мы растим? Со встроенной памятью. Сами посудите, с точки зрения коммерческой тайны самого генома, делать это в России – нонсенс. Ясно же, что госбезопасность всю переписку скопирует. Значит, не боятся этого. С чем я готов согласиться, скопировать они, может, и копируют, но использовать не смогут, просто осядет в архивах. Но все-таки, если геном в секрете хранить, то лучше бы какую частную лабораторию где-нибудь в Швейцарии. Там с такими секретами куда лучше дела обстоят. Зато в Швейцарии любой выращенный андроид документируется с фото, отпечатками пальцев, радужки глаз, детальной группой крови и даже прикусом зубов. А у нас всего этого нет. Доказать, что это андроид, по сути, невозможно. И женское тело, оно тоже неспроста. Подложи такую какому политику, а потом она того по ночам станет уму-разуму учить. Тому, что на тех белках записаны. Как вам такая гипотеза?

Декан задумался, потом налил еще по рюмке коньяка и отпил из своей.

– А вам не кажется, что как-то это уж, если позволите так выразиться, чересчур фантастично, Карен Ахмедович? Вы же не хуже меня знаете, в каком состоянии находит-

ся наука. Мы память просто не умеем записывать через геном. Напрямую, да, научились с грехом пополам. Причем все больше пока с грехом и пополам, но хоть что-то можем. А так... записать в гены, и чтобы тело потом само все вспомнило? Фантастика какая-то, я даже не уверен, что такое вообще возможно. Я даже механизм такого переноса памяти представить себе не могу. И вообще, это вы намекаете на то, что только мы с вами, да санитары и смогут опознать этого андроида? И всех свидетелей потом... Не слишком ли уж запутано? Это уже, извините за выражение, какая-то совсем ненаучная фантастика получается.

– Ну, механизм я и сам не представляю. Но что, если он на этих генах и записан? Представьте, что эти новые гены в основном как раз и формируют механизм, который раскрывает генетическую запись и переносит ее в мозг?

– А почему именно генетическую, позвольте спросить?

– А какую еще? Больше-то ничего в геноме нет!

– Ну-ну, голубчик, мало ли что еще с памятью можно сделать? А если записывать аминокислотами произвольную информацию, то что, если они вдруг активируются? Так ведь можно на такие белки нарваться... Нет-нет, не спорьте, слишком уж фантастично.

– Вообще-то, вот и я такое сначала подумал, Григорий Иосифович. А потом еще кое-что узнал. Но было уже поздно отказываться.

– И что же, если можно поинтересоваться?

– Вы помните мою племянницу Машу, которая с мужем в Британском музее в Лондоне работает? У нее еще специальность интересная – генетическая археология. Расшифровывает геномы из древних захоронений.

– Помню, голубчик, помню, – кивнул Варшавский, – Большая умница, как и ее супруг. Я пару ее статей видел, интересные работы.

Карен вздохнул и все-таки превысил свою норму, опрокинув третью рюмку, проводив ее третьим ломтиком лимона и глотком чая.

– Так вот, ее я и попросил посмотреть присланный нам геном по своим базам, – продолжил он, – Так сказать, по-родственному. Около половины необычных генов нашлись. Угадajte где? У некоторых фараонов Древнего Царства в Египте! Было еще несколько интересных частичных совпадений. А вот почти полное соответствие нашлось только одно. Никогда не угадаете, где!

– Не томите, голубчик, давайте, рассказывайте!

– В смоленском захоронении тысячелетней давности, которое Маша со своим мужем как раз раскапывали перед получением работы в Британском музее!

– Но, позвольте, зачем этот-то геном скрывать? Там ведь и никакого секрета нет. Он ведь должен на интернете, в открытых базах лежать.

– Ну, в открытых базах он все-таки не лежал, Григорий Иосифович, иначе я бы сам его нашел. Но вот такое инте-

ресное совпадение.

– И какова же ваша гипотеза?

– Гипотеза, если позволите, дикая, пахнет очень странно, и приличному ученому говорить такое вслух не стоит, Григорий Иосифович, – начал Карен. Коньяк горячил кровь и незаметно развязал язык, – Так что, извините, публично я этого никому не скажу, только вам, лично. Собственно, потому и до сих пор никому не говорил, даже вам.

Он сделал паузу, но Варшавский смотрел на него молча, в ожидании, и Карен решил:

– А что, если это искусственный геном? Не спрашивайте меня, откуда он взялся – инопланетяне, демоны, ангелы, исчезнувшие атланты – не знаю! Но кто-то когда-то уже умел записывать генетическую память и сделал ее для чего-то. А потом искусственные гены, как обычно случается с искусственными генами, потихоньку растворились и исчезли из генофонда. Удалились естественным отбором как ненужные. И потому и остались только в древних захоронениях, и то не у всех особей. А заказчики наши как-то поняли, что они нашли, и сумели использовать этот геном для записи в человеческое тело своей собственной информации!

Варшавский задумался. Тишина повисла в кабинете, и ни один из собеседников не спешил ее нарушать. Наконец декан допил свою рюмку, поставил ее на стол, сделал паузу, зажевал коньяк лимоном, и, в конце концов, сказал:

– Знаете, голубчик, интересно. Ахинея, если позволите

мне так сказать, но очень интересно. Я даже не знаю, что и сказать на это. Тут надо еще много подумать. И знаете, пожалуй, вы правы, Карен Ахмедович, давайте лучше считать, как сначала, что нам просто сделали заказ из элитного западного борделя. Как-то спокойнее будет.

Ого, подумал Карен, чтобы Варшавский так выразался, нужно его сильно встряхнуть. Но вслух говорить он ничего не стал и только согласно кивнул головой. Тем более, что так думать и правда было куда спокойнее.

В переулке стояли трое. Девушка лет двадцати пяти с роскошной русой косой, огромными синими глазами и чистой, как у младенца, кожей лица. Она, наверное, была бы очень красива, если бы не мешковатая, полностью скрывающая фигуру синяя физкультурная форма. Двое других были явно помоложе, лет по двадцать. Парень среднего роста с короткими, аккуратно подстриженными темно-русыми волосами и атлетической фигурой, одетый в рубашку, джинсы и кроссовки, с недовольным лицом потирал правую коленку. Другая девушка, невысокого роста, в аккуратной юбке ниже колена, легкой кофте, темных колготках и туфлях на низком каблуке, смахнула за ухо блондинистые волосы, подстриженные в стиле каре «драная кошка». Затем сквозь увеличивающие огромные стекла очков она скептически посмотрела

на своих спутников и спросила:

– Ну, хорошо, мы выбрались. Что теперь?

Вопрос был явно риторический. Русоволосая красавица его проигнорировала, поскольку грызла крошечный арахисовый орешек, держа его у рта обеими руками. А при взгляде на парня было очевидно не только то, что он тоже хотел бы знать ответ на этот вопрос, но то, что он никогда в жизни не признается в этом. Тем не менее, огромные синие глаза верноподданически уставились на него, явно ожидая мудрых решений. А когда женщина на свою голову и другие части тела требует от мужчины решений, тот обязательно чего-нибудь нарешает.

– Надо ее в посольство отвести. Джери, ты откуда? Из какой страны? Тебе в какое посольство надо? – спросил парень.

Джери, а это была именно она, услышав свое имя, задумалась.

– Голландка! – выдала она после паузы и случайно проглотила остатки орешка. Посмотрев взглядом, полным разочарования, на свои руки, она тут же забыла о заданном ей вопросе, переключила внимание на Натку и с восторженным молящим взглядом пискнула:

– Орешек?

Та вздохнула и выдала требуемое. Джери тут же отключилась, вновь занявшись едой.

– Ну, по крайней мере, теперь понятно, почему она так

любит сыр, – мрачно пошутила Натка, – И как мы ее доставим в голландское посольство?

– Надо ее куда-то в безопасное место доставить, а потом предупредить посольство – и пусть они ее сами забирают! – выдал идею Петя.

– Куда? К тебе?

– Не, ко мне далеко, через полгорода на метро ехать...

– Я в трех остановках на троллейбусе отсюда, – неосторожно сказала Натка, тут же сообразив, что ненароком выступила добровольцем, и попыталась открутить свое предложение назад, – Вот только что родителям скажем?

Увы, было уже поздно. Петя, приняв идею к исполнению, был уже как бронепоезд – не остановить и не свернуть, разве что под откос.

– Скажи, что новая студентка, иностранка из Голландии, нужно, где пожить, пока ее в общежитие оформляют! Заодно и понятно, почему она по-русски через пень в колоду, и странности все спишутся.

Женская прагматичность выражается не только в том, что они не любят заниматься глупостями. По крайней мере, тем, что они сами считают глупостями. Это включает и нежелание переубеждать тех, кто глупостями заниматься более чем склонен, например, мужчин. С точки зрения Натки, это был как раз такой случай.

– Ну, хорошо, – с сомнением сказала она, – Только надо везти ее на троллейбусе или автобусе, пешком слишком да-

леко.

– Ничего, на билет у меня хватит! – гордо отмахнулся Петья.

Дылды занялись чем-то странным. Они попытались укутать Джери в какие-то тряпки, из которых можно было бы сделать отличное гнездо. Она попыталась погрызть и их, но сыром они не пахли, а дылды все равно отобрали тряпки и натянули их на нее. В принципе, Джери приходилось бегать в лабиринте с электродами, наклепленными на шерстку, видно, и сейчас что-то вроде. Так что она и не сопротивлялась, главное – чтобы в конце лабиринта был сыр!

Сыр, кстати, закончился, и эта мягкая, белая, пропахнувшая сыром – тоже. Джери обиженно посмотрела на дылд, особенно на самочку, эту, Та-шу, которая вышла из двери наружу. Джери уже узнала, что это называется «дверь», и теперь самочка звала ее за собой. Снаружи было очень светло и потому страшно. И тут Та-ша вынула что-то еще. Интересно, подумала Джери, что это? Втянув ноздрями воздух, она почувствовала одуряющий аромат.

– Орешек! – уже привычно всплыло в сознании слово.

– Да, да, орешек, на! Орешек, – ответила Та-ша, протягивая в руке поджаренный до золотистого цвета божественно пахнущий продолговатый шарик.

В конце концов, со мной двое дылд, а с ними безопасно, решила Джери, уже обнаружив себя снаружи держащей во-
зделенную цель обеими лапками.

– Орешек, – на этот раз довольно сообщила она. Какая это, оказывается, полезная штука, эти «слова». Если назвать что-то вкусное, то дылды тут же это дают. Здорово! Как полезно, оказывается, уметь говорить! Жаль, она раньше этого не умела!

Затем ее повели по какому-то лабиринту, почти как в тех снах, с потолком и поворачивающему не только в стороны, но и вверх-вниз. Спустившись, они вышли наружу, и тут потолка уже не было. Сначала Джери испугалась, под открытым небом летали совы и бродили кошки. Но, увидев забор с приставленным к нему кубиком, она успокоилась. Это просто еще один лабиринт, только обычный, без потолка! А уж когда Та-ша взобралась на кубик и перемахнула через забор, Джери и вовсе убедилась в своей правоте. Вслед за самочкой она залезла на кубик, но прыгать через забор повременила. Нет, она хорошо умела прыгать с кубиков через перегородки, но вдруг там кошка?

Тем временем альфа стал подпирать ее заднюю часть. Интересно, это он ей собирается детенышей делать? Джери тут же охотно оперлась на альфу выбранной им частью тела поосновательнее, но что-то пошло не так. А главное, из-за забора протянулась лапка Та-ши с орешком. Потом сделает детенышей, решила Джери, прыгая через забор.

То, что сказал затем альфа, в словаре почему-то не было. Ну, до сих пор не было. Поскольку, незаметно для Джери, ее подсознание тут же старательно вставило новые слова в словарь. Тем более, что значение их было в целом легко угадать – было кристально ясно, что альфа недоволен. А ладно, быстрее надо было детенышей делать, решила Джери. В общем, это не очень взволновало ее, поскольку в лапках у нее опять был одуряюще вкусно пахнущий орешек. Вгрызаясь в этот томительный аромат, Джери почти отключилась от внешнего мира, но тут услышала свое имя. А имя – это когда дают сыр!

– ...Джери, ты откуда? Из какой страны?.. – спросил альфа.

«Страны»? «Откуда»? Вы можете подумать, что мышка вряд ли будет достаточно умна, чтобы разумно ответить на такой вопрос. Но нет, глупой она не была. У нее просто был очень своеобразный опыт, но, в конце концов, ее неспроста выбрали в качестве основы для искусственного интеллекта. Лаборатория Карена долго гоняла белых лабораторных мышек, а потом добавила к ним еще и обычных домовых серых, наловленных в деревне недалеко от города. И вот эта серая мышка оказалась самой сообразительной в поисках сыра и избегании опасностей.

Вы можете сказать, что если уж она попала там, в деревне, то это не самая умная мышка. Самая умная осталась в подполье и продолжала грызть картошку и что там еще

у хозяина оставалось. Да, вы правы. Умная, но не самая умная. Эволюция далеко не всегда выбирает самых умных, часто даже совсем наоборот. Ибо верно сказано: «Во многой мудрости много печали.» Словом, у людей это тоже сплошь и рядом случается. Думаю, вы сами можете привести примеры.

Тем не менее, самой глупой Джери тоже не была, а потому она задумалась. Ей никогда не приходило в голову, что для подпола сельского дома у печки тоже есть название. Собственно, и о названиях-то она только-только узнала, и название тому месту под печкой в голову не приходило. А «страна»... Это как «Италия», «Франция», «Голландия», трудолюбиво стало подсказывать ей подсознание из словаря. О! А ведь печку тамошние дылды называли как-то очень похоже! Ага, точно!

– Голландка, – гордо выдала Джери и хотела вернуться к орешку, но случайно проглотила его. Сначала огорчение и разочарование почти полностью поглотили ее. Орешек! Он был такой вкусный! У нее чуть слезы на глаза не навернулись. Но тут она вспомнила о новообретенном способе получать вкусные вещи. Надо только назвать их вслух!

– Орешек! – выдала она, умоляюще глядя на самочку. И та тут же дала попрошенное. Ах, как чудесно говорить! И какая чудесная, замечательная, восхитительная эта Та-ша! Как бы стать такой же?!

Надежда Сергеевна, пожилая женщина в форме кондуктора, неодобрительно посмотрела вслед молодой троице, только что покинувшей троллейбус и направившейся в близлежащий переулок. Из всех троих ей понравился только парень. Молодой, собранный, атлетически сложенный. Вот какой-то девушке повезет, подумала она.

Девушка была... обычная. Юбка, кофта, очки. Будучи бабушкой внука-студента, Надежда Сергеевна была всегда критично настроена к девицам подходящего возраста. Вот эта, например. Ни рожи ни кожи, волосы секутся, может, витаминов не хватает, может, болеет. И все туда же, командует. Окрутит парня вроде ее Пашеньки, и будет с такой мужик мучаться всю жизнь. Чего такого особенно плохого нашла она в этой случайной девице, Надежда Сергеевна сказать не могла. Но что-то ей в ней не нравилось. Определенно, Пашеньке нужна кто-то поскромнее. Бюст не такой вызывающий. С юбкой подлиннее. Волосы получше. Лицо без прыщей. Теорию, что после замужества прыщи исчезают, Надежда Сергеевна в расчет не принимала. После, может, и исчезнут, а ты «до» не допускай! И вообще, а если муж в командировку уедет, кем она от прыщей будет лечиться? Вот! То-то и оно!

Но больше всего ей не понравилась другая девушка, постарше. Надо отдать должное, волосы у той были куда луч-

ше, да и прыщами даже не пахло. Кожа у нее была чистая, ровная, как у младенца. Вот только вела она себя тоже как младенец. Изъяснялась односложно, грызла что-то мелкое, держа это перед собой обеими руками. А уж додуматься гулять по городу в обвисшей физкультурной форме! Это ж ни стыда ни совести! Разве можно перед парнем так крутить попой, как эта?!

И вообще, было в этой девице что-то от умственно отсталой. Ну, как можно радостно и истошно пищать: «Еще столб!» каждый раз, когда тот проплывал мимо за окном? Каждый раз! А ведь троллейбусные провода подвешены именно на столбах! «Столб!», «Еще столб!», «Еще столб!», «Столб!»... Надежде Сергеевне казалось, она с ума сойдет от этого повторяющегося писка. Да и до этого девица отличалась. Увидев подъезжающий к остановке троллейбус, девица взвизгнула и попыталась сбежать в растущие у остановки кусты шиповника, но парень с девушкой не дали ей этого сделать. Шиповника! А потом заманивали девицу внутрь, показывая ей жареный, золотистый орешек арахиса. Арахиса! Да еще и приговаривая:

– Орешек, Джери, орешек, на, иди сюда, орешек!

Еще и иностранное имя! Как будто всего остального было недостаточно, чтобы насторожить бдительного кондуктора. Надежда Сергеевна вознамерилась было не пускать в троллейбус такую пассажирку, но парень предъявил ей удостоверение санитара и сказал, что так доктор велел. С докто-

рами пожилая кондукторша спорить не решилась и, приняв деньги за билет, потом все три остановки продолжала неодобрительно поглядывать на нелепо сгорбившуюся фигуру в темно-синем трикотаже. Наконец, под радостный писк: «Еще столб!», все трое покинули её территорию, а троллейбус маршрута номер 15 унес вздохнувшую свободно бдительную кондукторшу навсегда из нашей истории.

Открыв чудо речи и обнаружив ее полезность, Джери вошла в режим, в который обычно впадают начинающие говорить дети. Она стала называть все, что могла узнать и на что у нее имелось слово. Особенно ей понравились фонарные столбы. Их было много, и их можно было называть каждый раз, когда они проплывали мимо за окном. Потом они шли по переулку, и там тоже было много разных вещей, которые можно было называть. Наконец они попали в норку, и тут очередной орешек кончился.

– Орешек! – сказала Джери. Но на этот раз магия не сработала.

– Нету, – ответила Та-ша.

– Сыр? – с надеждой спросила Джери.

– ...Сейчас ... – сказала Та-ша и явно собралась пойти за сыром.

И тут с Джери произошло то, что очень часто и вполне

обыденно происходит с мышами. Да, в общем-то, и с людьми бывает. И у этого тоже было название! Длинное, сложно, красивое! Её обязательно похвалят за такое слово, а может, и еще что вкусное дадут! Счастливая тем, что знает новое слово, Джери тут же произнесла его вслух!

Добраться до Наткиного дома удалось почти без приключений. Орешков хватило еще надолго, благо каждый из них Джери грызла чуть ли не несколько минут. Как она это делала, оставалось загадкой, но ни Натка, ни Петя не считали нужным на это жаловаться. К сожалению, помимо угрызания орешков, на Джери напал словесный понос. Она просто не могла удержаться от того, чтобы не называть вслух все, на что падал ее взгляд.

На этом фоне попытка Джери спрятаться в колючих кустах от троллейбуса выглядела уже как незначительный инцидент. Дальше произошло краткое объяснение с вознамерившейся помешать им кондукторшей. И тут Петя заработал еще несколько очков в Наткином сердце, легко разрешив проблему. Оно просто солидно предъявил пожилой мегере откуда-то взявшееся у него удостоверение санитара и объяснил, что они выполняют предписания врача. После чего та мгновенно сдала назад.

Три остановки на задней площадке, где Петя с Наткой,

вцепившись в поручни, прижали Джери к окну, прошли почти мирно. Затем, доведя кондуктора почти до исступления Джериными воплями: «А вот еще столб!», троица наконец покинула негостеприимный троллейбус. Тут они свернули в переулок, где стоял еще довоенной постройки четырехэтажный, выкрашенный желтой краской кирпичный дом, в котором на третьем этаже была квартира Наткиных родителей. Домофон был в очередной раз сломан, лифта тут никогда и не было, так что по полутемной лестнице с обшарпанными стенами, покрытыми сентенциями бомжей, пришлось подниматься пешком. Впрочем, в полутьме Джери стала двигаться значительно охотнее. К счастью, дома никого не оказалось, поэтому удалось отложить объяснения с родителями на потом. Пройдя через прихожую и гостиную, все трое вошли в тесную Наткину комнату.

И тут орешки кончились.

– Орешек, – сказала вслух Джери и уставилась на Натку.

– Нету, – сказала та.

– Сыр? – с надеждой сказала Джери.

– Надо посмотреть, – ответила Натка, – Сейчас проверю

в холодильнике...

Но не успела. С той же жизнерадостной непосредственностью Джери сообщила:

– Обкакалась!

На несколько секунд повисла неудобная тишина.

– Знаешь, Петя, – сказала наконец задумчиво Натка, –

Может, мне это только кажется, но думаю, что она совсем не иностранка...

Глава 5. Мышеловка

Карен сидел за рабочим столом в своем кабинете заведующего лабораторией и пил чай из широкой чашки тонкого фарфора, расписанной волнистым синим узором. Чай был только что заваренный, крепкий, слегка подслащенный и ароматный. Чудо, а не чай. Цвета коньяка. Коньяк, кстати, очень хотелось в этот чай добавить, поскольку итоги дня были не столь радужны. Его предчувствия оправдались на все сто процентов. Санитары обыскали лечебный, исследовательский и учебный корпуса, но не нашли никого подобного сбежавшему экспонату.

Дальнейший опрос студентов и преподавателей тоже ничего не дал. Оный опрос, разумеется, пришлось проводить очень деликатно, но Карен подозревал, что голая девица на факультете все-таки ещё попадает под категорию «Не видели ли вы чего-нибудь странного?» Увы, не видели. Никто не видел. Мышка, как и боялся Карен, забилась в щель и как будто растворилась в воздухе.

Следующим шагом было перечислить опции. Итак, если она по-прежнему на факультете, то рано или поздно она вылезет из темной дыры или на кого-нибудь натолкнется. Если она уже покинула факультет, то в голом виде дойдет только до ближайшего патруля полиции. А если не в голом? Да нет, решил Карен, даже в одежде она будет так выделять-

ся в толпе, что полиции ей не избежать. Значит, надо будет напрямь связи Варшавского, наврав служителям закона что-нибудь про сбежавшую пациентку психиатрии.

Стоп! А этот вариант вообще рассматривать надо? Откуда она одежду-то возьмет? Не говоря уж о том, что надевать и носить ее она тоже пока еще не умеет. Это все было следующими шагами в её обучении.

Карен задумался. Вопрос «Не видели ли вы чего-нибудь странного?» заставил его проиграть события этого дня. Потом еще раз. Потом заново. А потом поперхнуться чаем. Поставив чашку на такое же изящное блюдце, он вытащил из кармана чересчур умный телефон и произнес:

– Алло, Тосенька?

«Тосенькой» был искин университета, впервые созданный несколько десятков лет назад. Тосенька (от имени Тося, если полно – Анастасия) подбирала расписание преподавателей и студентов, обеспечивала замены по болезни и отпускам, отслеживала тесты, успеваемость, начитанные часы и даже вела ведомости на стипендии и зарплаты, в общем, занималась кучей дел, без которых функционирование такой большой организации, как университет, было бы невозможно. Создавший его декан IT факультета, по каким-то одному ему известным причинам, дал искусственному интеллекту столь игривое имя. Имя прижилось, и, несмотря на периодически приходящие из Минобразования пароксизмы политической корректности, все новые и продвинутые версии

искина также получали имя «Тосенька». Просто все к нему привыкли, и никто не решался устраивать хаос на пустом месте.

Точнее, почти никто. Один раз это все-таки случилось. Жаждающие взяток чиновники Минобразования все-таки заставили сменить имя и тональность голоса искина. Нанятая PR-фирма, пообщавшись с чиновниками, подобрала имя, которое точно должно было удовлетворить претензии министерства. Имя было «Даго-Махер». Именно так, с ударениями на первых слогах. Даго-Махер должен был создать в университете безопасную зону с абсолютной цензурой, без намёков на то, о чем все студенты и так давно знали и хорошо, если уже давно не занимались, и где ни одна <блип> не могла бы сказать вслух “ <блип>», <блип>! Было подозрение, что чиновники просто хотели взятку за отказ от переименования и объяснили это пиарщикам. Которые, надо признать, с заданием справились на «отлично». Однако денег у университета не было, так что пришлось менять имя и голос искина.

Первое время студенты, а также наименее ответственные младшие преподаватели издевались над новым именем, переиhrывая его как могли. На что Даго-Махер гордо хранил молчание. Это тут же стало популярным способом оправдывать прогулянные лекции. «А Дохлый Магёр мне ничего не сказал!» Это, конечно, не могло послужить аргументом для разговора с министерством. Подумаешь, учебный про-

цесс! Приказ есть приказ!

Однако, к несчастью для министерства, оказалось, что на каком-то редком языке вроде суахили Даго-Махер означает «падшая женщина». Институт тут же пригрозил подать иск на курирующего требование чиновника. Чиновник попытался свалить все на пиарщиков. Пиарщики пригрозили рассказать, что требовал от них чиновник. В общем, министерство временно отступило и заткнулось, отправив чиновника на стратегический проект курирования детских яслей где-то в Салехарде. Было понятно, что они как-нибудь отыграются, но, обжегшись на имени искина, чиновники оставили его в покое. В результате Тосенька с голосом из советского фильма «Девчата» вернулась в жизнь университета, старательно исправляя бардак, устроенный Даго-Махером.

И вот этот голос бодро и с энтузиазмом давно исчезнувшего прошлого страны зазвучал из телефона:

– Да, Карен Ахмедович!

– Покажи расписание на сегодня и завтра студентки Натальи Курицыной.

– Профессор, я должна вам напомнить, что неформальные отношения со студентками и студентами могут приводить к дисциплинарным мерам.

Кое-чем министерство все-таки смогло нагадить в ответ.

– Да-да, я в курсе. Расписание?

– Сейчас! – бойко ответила Тосенька.

Карен задумчиво посмотрел на появившийся на экране

его очков результат. Потом махнул рукой перед носом сначала направо, потом налево, пролистывая дни. Задумался. Аккуратно взяв чашку, он отпил чая, а потом вслух, будто спрашивая сам себя, сказал:

– И на кой черт ей сдалась эта физкультурная форма?

– Она ей ни сегодня, ни завтра не нужна, – все так же бодро вмешалась Тоська.

– Брысь! – рыкнул на нее Карен, не ожидавший, что его еще слушают.

– Поду-умаешь! – фыркнула Тосенька, изобразила звук брошенной на рычаги трубки старинного телефонного аппарата и, похоже, отключилась. Нет, никаких эмоций искин, разумеется, не испытывал, но, натренированный на диалогах из фильмов, умел блестяще их имитировать. Разумеется, к своей пользе. К счастью, под «своей» пользой, Тосенька понимала пользу Университета, так что проблем такая хитроумность не создавала.

– Знаешь, Петя, – сказала наконец Натка, – Может, мне это только кажется, но думаю, что она совсем не иностранка...

– А кто же? – удивился Петя.

И тут у Натки зазвонил телефон. Она махнула рукой, разрешая разговор, и из прицепленной у нее на груди брошки

раздался взволнованный голос Светика, Светы Дологопятой из их группы.

– Натка, ты слыхала? У нас тут весь факультет на ушах стоит! У Мамедова из лаборатории андроид сбежал, представляешь? Да еще и не просто андроид, а с каким-то супер-пупер геномом из средних веков. Настоящая древняя принцесса, представляешь? А самое жуткое – никогда не узнаешь, что! Она голая сбежала! И никто ее не заметил! Представляешь?

– Погоди, Светик, что ты несешь? – прервала подругу Натка, – Они что, так и рассказали всем? Сам Карен Ахмедович?

– Нет, что ты! Натка, ты с ума сошла? Нет, конечно! Они все втихаря делали. Но санитары-то весь факультет обыскали. Им пришлось рассказать, да они и до этого много что знали. Так мой Стасик налил Василию после смены, тот все и выложил!

– Светик, а чего еще известно? – спросила Натка.

– А тебе мало? Офигеть ведь! – раздалось из телефона.

– Да, и правда. Светик, извини, я спешу, но новость действительно упасть не встать... Если что, позвони, расскажи, хорошо? Светик, правда, жутко интересно! – сказала Натка и закончила звонок.

Почти минуту все стояли в молчании. Петя с отвисшей челюстью, Натка с укоризной в глазах, а Джери с тем же гордым и жизнерадостным выражением лица, с которым она произ-

несла свое последнее новое слово.

– Так говоришь, «а кто еще»? – в конце концов сказала Натка.

– Фигасе... – только и смог вымолвить Петя.

– Ага, – кивнула головой Натка, – Ладно, пойду нашего андроида отмывать. А ты тут подожди. Нечего тебе на голых обкакавшихся принцесс пялиться. Джери, иди за мной!

Как ни странно, Джери последовала за Наткой без малейших сомнений. А Петя так и остался почесывать затылок.

Один часовой пояс позже (перевод с почти иностранного).

– Так чего скажешь?

– Дупа. Профессор не справился. У него эта курва синтетическая сбежала. Представляешь, что с нами сделают?

– Отымеют?

– Оптимист ты, гляжу. Тут бы живым остаться.

– А если вдруг исполнители умрут?

– Ты чо, рехнулся? Нельзя же. Нас ведь предупредили.

– Так я и не говорю, что мы их приедем. А если их случайно кто-то? По независимым от проекта причинам. Ну, там, кто-то другой?

– Кто?

– Да хоть Влад.

В диалоге повисла пауза.

– Влад – это хорошо. Для начала я ему позвоню, чтобы выяснил, что за фигня там происходит.

– Добже. Ему на месте виднее. И то дело.

Санузел в квартире Наткиных родителей был совмещенный. Тут и туалет, и ванна, и раукомойник. И вовсе не от того, что квартира был новейшая и сделанная по западному дизайну, где совмещенные санузлы и правда уважают. Новым был только унитаэ модной формы, со стоящей водой и резким спуском вниз, поставленный вместо разбитого старого. А квартира была как раз очень старая, и потому так и вышло. В принципе, это и правда удобно. Но только когда места достаточно, то есть не в этом случае.

Натка на всякий случай скинула кофту в прихожей, чтоб не замочить, схватила свои старые юбку с футболкой попросторнее и подлиннее и повела подопечную внутрь. Стоило им зайти, как Джери, увидев стоящую на полу большую белую чашу с водой, радостно пискнула:

– Вода!

И тут же наклонилась с намерением утолить из туалета жажду. Натка еле-еле успела ее удержать, схватив за плечи.

– Нельзя, Джери! Плохая вода! Нельзя пить!

Джери подняла на нее молящий взгляд и пискнула опять:

– Вода?!

– Вот смотри, вот здесь вода, – сказала Натка и подвела ее ванне, – Вот смотри, берешь кран рукой и поворачиваешь вот так.

С этими словами она взяла Джери за руку и положила ту на кран холодной воды. И потом, сжав ее кисть, повернула. Из крана полилась вода.

– Вода! – опять пискнула Джери и, наклонившись, стала пить текущую воду, высовывая язык и пытаясь поймать то, что на него попадало.

– Смотри, как лучше это делать! – сказала Натка и, чуть отодвинув Джери, взяла воды в пригоршню и показала, будто пьет, сложив губы трубочкой и обмакнув в воду, – Давай, попробуй сама так.

Джери послушно попробовала взять воду пригоршней. Сначала получилось неуклюже и она облилась, но Натка настоятельно приговаривала:

– Давай, давай, еще раз, не расплескивая, подноси ко рту.

Очевидно, инструкции были достаточно просты, и у Джери начало получаться.

– Если хочешь пить, запомни – кран должен быть синенький. Из синенького крана в принципе пить можно. Хорошая вода. А как напьешься, поверни в другую сторону, и она перестанет течь. А то затопишь все.

Повторив трюк с рукой, Натка научила Джери закрывать воду.

– А теперь попробуй сама. Открой. Вот хорошо. А теперь

закрой. Хорошо. Ты поняла?

– Поняла, – повторила Джери.

– Да, именно, я и спрашиваю, поняла ли ты? Ты поняла?

На несколько минут Джери зависла, а потом, согласно кивнув головой, выдала:

– Я поняла! А там плохая вода?

– Да, плохая. Там кака.

Джери поглядела в унитаз.

– Нет каки.

– Сейчас будет. Давай штаны снимать, будем тебя переодевать.

После небольших мучений это удалось сделать, причем надо заметить, что Джери очень быстро училась и старалась помогать как могла. Наконец Натка вытрясла содержимое в туалет, спустив воду.

– Ну, хоть не пронесло, – пробурчала она себе под нос и бросила снятую физкультурную форму в стирку.

– Смотри, Джери, кака туда, – продолжила она объяснения, – В штаны каку не надо. И вокруг каку не надо. Только сюда. Понятно?

Джери на мгновение опять зависла, а потом, вопросительно наклонив голову, спросила:

– Штаны – это гнездо?

– Да, как гнездо. И вообще, вокруг гнездо. Не надо каки. Каку надо сюда, – продолжила Натка, указав на унитаз. Тебе понятно?

– Мне понятно, – кивнула опять головой Джери.

– А теперь, Джери, забирайся в ванну, будешь мыться.

– Буду мыться? – переспросила та, послушно залезая внутрь.

– Да, мыться. Умеешь мыться?

– Умею мыться! – гордо сказала Джери и попыталась начать вылизывать ладони, тут же проводя ими по голове.

– Нет-нет, не так! А голову мы вообще в другой раз будем учиться мыть. Дай я тебе покажу.

Натка надела на голову подопечной пластиковую шапочку, с трудом упаковав под нее толстую косу, включила душ, проверила, что вода теплая, а напор несильный, и начала поливать Джери с разных сторон.

– А ты три рукой, – объяснила она, показывая пример, – Рукой, а не языком.

Очень быстро обнаружилось, что использовать душ, не задернув занавеску, приводит к гарантированному потопу. Но если ее задернуть, то Джери оказывалась с одной стороны, а Натка – с другой. Вздохнув, Натка кинула в стирку свои, стараниями Джери, уже насквозь мокрые футболку с лифчиком – в конце концов, Петя послушно сидит в комнате, а рядом с ванной у нее сухие есть – а потом, сняв остальное, чтобы не мочить, залезла в ванну к Джери, задернула занавеску и продолжила обучение мытью.

Обучение, равно как и помывка, пошли успешнее. Джери старательно изучила, как пользоваться губкой, гелем для ду-

ша и даже полотенцем. А потом даже почти самостоятельно оделась. Любой родитель знает, насколько это мучительное занятие – одеть ребенка. И как медленно дети этому учатся. Так что прогресс Джери был просто фантастическим. Однако, у Натки детей, понятное дело, не было, и успехи подопечной прошли неоцененными по заслугам.

Таша такая замечательная! Определенно надо стать такой, как она!

Попав в новый отнорок, Джери увидела чудо. Огромная белая чаша стояла на полу, полная воды! Причем почти чистой воды и почти без запаха! Надо понимать, что жидкая вода редко достается мышам, обычно они вынуждены жить на том, что есть в съеденных ими продуктах. В лаборатории, конечно, была поилка, и оттуда можно было выпить несколько капель – а много ли надо мышке? Но вот так... много воды и пей сколько захочешь! А тут еще сыр и орешки, причем соленые орешки...

– Вода, – пискнула Джери и решительно попыталась наклониться, чтобы утолить жажду.

Но Таша ее удержала. Джери, разумеется, послушалась. Не в ее привычках было сопротивляться дылдам. Если уж они куда не хотят пустить, то вряд ли пустят. Тем более, что Таша взяла ее за руку и показала, как получить хорошую во-

ду! И правда, эта вода была еще лучше! И она текла!

Научившись пить, Джери услышала:

– ... А как напьешься, поверни в другую сторону, и она перестанет течь. А то затопишь все.

«Затопишь» в словарь почему-то не попало, а вот «утопишь» там было. Джери не хотела утонуть. Как здорово все устроено! Захотела попить – открыла, а потом закрыла, и не утонешь! Надо обязательно это запомнить, подумала Джери, учась открывать и закрывать кран.

– ...Ты поняла? – услышала она и сразу же ответила:

– Поняла!

– Да, именно, я и спрашиваю, поняла ли ты? Ты поняла?

До сих пор Джери не требовалось использовать более одного слова. Ребенок учится складывать из слов предложения достаточно долго. Но у нее грамматика уже была зашита в мозг, просто, будучи не нужной, еще не раскрылась и не связалась с остальными частями сознания. И вот теперь она потребовалась. Джери почувствовала, что повторить: «Ты поняла» – это неправильно. В подсознании опять активировались ранее незадействованные области памяти, и у нее в мозгу всплыло:

– Я поняла! – и тут же, обрадованная новым умением, решила сделать другую фразу, чтобы выразить озадачивший её вопрос, – А там плохая вода?

– Да, плохая. Там така.

Что-то не складывалось. Подсознание уже достаточно раз-

вило словарь, чтобы эти фразы были понятны. Джери поглядела в унитаз.

– Нет каки, – почти разочарованно сказала она.

– Сейчас будет...

С помощью Таши она сняла с себя этот материал для гнезда, который называется «одежда», и тут же кака появилась в этой белой чаше с водой. Унитазе! – сообразила Джери. Какая Таша все-таки умная! Интересно, как она узнала, что там появится кака?

– ...В штаны каку не надо, – продолжила Таша.

Джери задумалась. В природе каку не надо было только в одном месте.

– Штаны – это гнездо? – спросила она и тут же решила попробовать сделать, как дылды, когда они задавали вопрос, и вопросительно наклонила голову.

– Да, как гнездо. И вообще, вокруг гнездо. Не надо каки. Каку надо сюда, – продолжила Таша, указав на унитаз. Тебе понятно?

– Мне понятно, – ответила Джери, гордая тем, что одновременно сделала фразу из слов и кивнула головой, совсем как альфа, когда соглашался с Ташей! Тем более, ей и правда теперь было понятно. Как же она сразу не догадалась! Это же Ташино гнездо!

А потом ее начали учить мыться. И одеваться. И это было так интересно!

А тем временем сама Натка была на грани тихой, а возможно и не очень тихой, истерики. Карен Ахмедович! Как он мог??? Неужели он действительно подрабатывает поставкой андроидов-проституток на Запад??? Карен Ахмедович??? Это не лезло в Наткино сознание. Он, вот такой... такой... и вдруг... такое???

А ведь Джери, она такая... беззащитная. Она же как ребенок! Вон как сияющими глазами смотрит на нее просто за то, что показала, как с мочалкой обращаться. Ведь нельзя же так! Она же как ребенок! Как ОН мог????! О-О-ОН????!!!

Тридцать минут назад...

А Карен Ахмедович тем временем щелкнул по телефону в кармане и сказал:

– Василий! У тебя вроде смена кончается? Не зайдешь ко мне в лабораторию по поводу сегодняшних треволнений? Заодно расслабимся чуток.

После пары длинных гудков из телефона раздался басок санитара Василия:

– Да, Карен Ахмедович! Вот как раз сдаю дела Степе. А расслабимся – это как?

– Жемчужная платиновой очистки подойдет?

– Ох-хо-хо! Еще как подойдет, Карен Ахмедович! Буду через десять минут! Еще рыбку принесу! Свежекопченую! У меня шурин на рыбалку ездил, вы не поверите, какая классная!

– Не поверю, Василий! Пока не попробую! – с улыбкой ответил Карен, – Хорошо, через десять минут в лаборатории.

И, еще раз щелкнув по телефону, он поднялся и вышел с кафедры, направляясь на встречу в свою вотчину.

После выхода из ванной, Натку ждало разочарование. Лифчика в стенном шкафу не было, очевидно, они все оказались в другом шкафу, стоявшем возле ее кровати. А там Петя. Мысленно махнув рукой, она просто натянула футболку, заправила ее под юбку и повела Джери в комнату.

Махнула рукой она зря. А может, и нет. Но Петя, как загипнотизированный, тут же уставился на чуть влажную, натянутую на груди футболку и все остальное, что сквозь нее проглядывало. Это что, получается, смутилась она, я его, выходит, соблазнить пытаюсь? Чтобы отвлечься от дискомфортных мыслей, да и вообще, нечего пялиться, она помахала у него перед носом рукой. Петя послушно поднял глаза, и тут-то она на него и набросилась:

– Слушай, я не верю, что Карен Ахмедович мог такой грязью заниматься! Наверняка что-то не так! Надо разобраться,

для чего же Джери создали. Нельзя ее отдавать обратно, если не поймем этого, ты согласен?

В случаях, когда женское сознание не может решить проблему, оно охотно перекладывает ее на мужское. Что, в принципе, и логично. У кого тут мозг больше? Но Петя доверия не оправдал. Лицо Натки явно гипнотизировало его куда меньше, чем спрятанное под футболкой, и он начал методично рассуждать:

– Погодь, Натка. Я согласен, что отдавать ее на опыты нельзя. Но как я, на фиг, узнаю, для чего же создавали Джери? И вообще, что там за проект был? Да и вообще, подумай сама. Это ж твой любимый профессор Мамедов! Он, как Кошкин, издеваться не будет, просто выпрет из университета на фиг! Ты этого хочешь?

Любого мужчину такой аргумент, скорее всего, остановил бы. Беда была в том, что где-то глубоко в подсознании Натка уже записала Петю если не в категорию «свой мужчина», то, по крайней мере, в кандидаты в оные. А если женщине что-то нужно от СВОЕГО мужчины, то всякие там отговорки вроде: «Луна высоко» или «звезды далеко» просто не катят. ОН должен. Точка.

– Какой он «мой»? И вообще! Да, ты посмотри! Джери, она же как ребенок! Погляди, какими глазами она на тебя смотрит! И ты готов её предать?!

– Нет, конечно, – смущенно ответил Петя, не зная, что сказать. Но на его счастье, опять зазвонил Наткин телефон.

– Натка! – раздался голос Светика, – Умереть не встать, такие новости! Василий только что звякнул моему Стасику, – Светик никогда не забывала уточнить, чей именно Стасик, так, на всякий случай, чтобы у подруг неправильных идей не возникало, – И ты представляешь? У них вся документация на сбежавшую принцессу, ну, которая андроид, прямо в лаборатории на столе Мамедова валяется. В толстой зеленой папке. Василий с ним водку пил, так он показывал. Ты не поверишь, она, оказывается, княжна из Смоленска, тысячу с лишним лет назад жила! Офигеть, правда? А еще у нее гены фараонов! Которые египетские! Древние! Это ж какая-то фантастика!

– Ох, Светик! Здорово! – поддержала подругу Натка ровным тоном, который не обманул бы даже Джери, – Спасибо, что рассказала. Интересно-то как!

– Еще бы! – взволнованно раздалось из телефона-брошки, – Ну, ладно, мне еще куче народу надо позвонить! Чмок-чмок!

– Чмок, – машинально ответила Натка, и разговор оборвался.

Петя увидел неожиданно тяжелый, направленный на него неподвижный Наткин взгляд.

– Да знаю я, где ключ от лаборатории висит. Даже от его кабинета. Я ж санитаром подрабатываю... – ответил он.

В это время в дверь просунулась мордочка Нострадамуса, небольшого, черного как смоль кота, который до этого дрых где-то в большой комнате, а теперь проснулся, услышав громкие голоса. Так, решил котяра, хозяйка никуда не денется, остальные двое – мужчина и женщина. Мужчины гладить кошек не умеют. Нострик вопросительно задрал хвост и с блеском в зеленых заинтересованных глазах решительно направился к Джери.

Глава 6. Я – кошка?

Нострик вопросительно задрал хвост и с блеском в зеленых заинтересованных глазах решительно направился к Джери.

На два часовых пояса позже...

Молодая женщина лет двадцати пяти в белом лабораторном халате сидела в небольшом кабинете на двух человек за экраном компьютера. Хозяина второго стола не было на месте, поэтому никто не отвлекал ее от работы. А судя по хорошо использованному дивану, хозяева кабинета любили отвлекаться. Что и понятно, за вторым столом сидел ее муж, с которым они делили не только семейные и личные, но и научные интересы. Собственно, так и познакомились. Но сейчас его тут не было, что давало время поработать без малейших отвлекающих факторов. Пусть даже и очень приятных. Мягкие лампы освещали комнату неярким бежевым цветом, а перед плоским экраном в голограмме летали цепочки сложных биохимических символов, которые она движением указательного пальца решительно сортировала в несколько кучек.

– Орли, подсвети маркеры династии Тимуридов, – сказал

она в пространство. Искин ее компьютера был назван в честь археолога Орли Гольдвассер, которая была ее кумиром еще со студенческих времен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.